

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 4(10) / 2016

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77–57507 от 27.03.2014

ИЗДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук, доцент

ВЫПУСКАЮЩИЙ

РЕДАКТОР

Е. К. СОГРИН

ВЕРСТКА

В. А. ПЕЧЕНКИН

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «ЭСКУЭЛА»

ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

РЕДАКЦИЯ,

ИЗДАТЕЛЬ:

Россия, 454080,

г. Челябинск, а/я 12550

Тел./факс: 8 (351) 231-09-91

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimo.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Журнал индексируется в наукометрической базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – elibrary.ru.

Полнотекстовые версии статей, опубликованных в журнале размещены в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» – cyberleninka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

П. А. КАБАНОВ

доктор юридических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Ю. А. ВОРОНИН

доктор юридических наук, профессор

Е. В. АНДРИЕНКО

доктор педагогических наук, профессор

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор

Р. А. САБИТОВ

доктор юридических наук, профессор

З. Р. ТАНАЕВА

доктор педагогических наук, доцент

П. Н. ФЕЩЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

Э. Г. ЮЗИХАНОВА

доктор юридических наук, профессор

VICTIMOLOGY

No. 4(10) / 2016

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ No. ФС 77-57507 of March 27, 2014
THE JOURNAL IS PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR

E. K. SOGRIN

PAGE-PROOFS

V. A. PECHENKIN

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:

**LLC «ESCUELA»
LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»**

EDITORIAL OFFICE:

Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru
www.victimo.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

The journal is indexed in neurometricstion database of the Russian index of scientific citation (RISC) – elibrary.ru.

Full-text versions of articles published in the journal posted in the scientific electronic library «Cyberleninka» – cyberleninka.ru

EDITORIAL BOARD:

CHAIRMAN:

P. A. KABANOV
doctor of law sciences, associate professor

VICE-CHAIRMAN:

Yu. A. VORONIN
doctor of law sciences, professor

E. V. ANDRIENKO

doctor of pedagogical sciences, professor

K. V. VISHNEVETSKIJ

doctor of law sciences, professor

N. I. IOGOLEVICH

doctor of psychological sciences, professor

R. A. SABITOV

doctor of law sciences, professor

Z. R. TANAEVA

doctor of pedagogical sciences, associate professor

P. N. FESHCHENKO

candidate of law sciences, associate professor

E. G. YUZHKHANOVA

doctor of law sciences, professor

В НОМЕРЕ

Колонка редактора 5

ЛИЧНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

ПУСТОВАЯ И. Н.
Понятие потерпевшего
в уголовном судопроизводстве
России. 7

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

КАБАНОВ П. А.
Виктимология терроризма:
вопросы формирования и развития . . . 12

ГАРИПОВ И. М.
Виктимологические факторы
и виктимологические ситуации
криминального коррупционного
поведения в Республике Татарстан . . . 23

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ГАРМАНОВ В. М.
Предупреждение сотрудниками
патрульно-постовой службы
полиции виктимности лиц,
находящихся в состоянии опьянения
и утративших способность
самостоятельно передвигаться или
ориентироваться в окружающей
обстановке 36

**ГОНЧАРОВ Д. Ю.,
ЗЫРЯНОВА Ж. Е.**
Мелкое взяточничество
как одно из проявлений
бытовой коррупции. 46

**TROSHINA S. M.,
LUKYANENKO S. D.**
Analysis of the methods
and technologies of information
security in cloud server 51

ШТЕФАН А. В.
К вопросу о субъектах
специального предупреждения
насилия в отношении
несовершеннолетних в семье 58

ЮРОВА К. И.
Криминологическая
характеристика иностранных лиц,
совершающих преступления 66

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

ЮЗИХАНОВА Э. Г.
Рецензия на монографию
Майорова Андрея Владимировича
«Виктимологическое
противодействие преступности»
(г. Челябинск, 2016) 70

ГОНЧАРОВ Д. Ю.
Отзыв на автореферат диссертации
Р.С. Гасанова на тему:
«Предупреждение грабежей
и разбойных нападений на объекты
кредитно-финансовой сферы
и перевозчиков денежных средств»,
представленной на соискание ученой
степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.08 –
«Уголовное право и криминология»;
«Уголовно-исполнительное право»
(Санкт-Петербург, 2016) 72

ПРАКТИКА

ДЕМЕНТЬЕВА Н. А.
Аналитический обзор деятельности
органов исполнительной власти
и местного самоуправления
Челябинской области
по профилактике наркомании
среди детей и молодежи. 75

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

**ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.,
БУРОВА Ю. В.**
Национальная безопасность
в современной России: стратегия
противодействия экстремизму
и терроризму и перспективы
преодоления глобальных проблем
(Информационно-аналитические
материалы конференции). 80

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления
рукописей статей в научный
журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 84

IN THIS ISSUE

Editor's column5

PERSONALITY AND CRIME

PUSTOVAYA I. N.
Concept of victims
in criminal proceedings Russia7

VICTIMOLOGY OF CRIME

KABANOV P. A.
Victimology terrorism:
issues of formation and development ...12

GARIPOV I. M.
Victim factors and victimization
situation criminal corrupt conduct
in the Republic of Tatarstan23

CRIME PREVENTION

GARMANOV V. M.
Warning employees patrol police
victimization occupants intoxicated
and loss of ability to move
independently or orientated in
the environment36

**ZYRYANOVA ZH. E.,
GONCHAROV D. Y.**
Petty corruption
as a manifestation
of everyday corruption46

**TROSHINA S. M.,
LUKYANENKO S. D.**
Analysis of the methods
and technologies of information
security in cloud server51

SCHTEFAN A. V.
To the question about the subjects
of the special warning of violence
in regard to minor in family58

YUROVA K. IG.
Criminological characteristics
of foreign perpetrators of crimes66

REVIEWS AND RATINGS

YUZIHANOVA E. G.
Review the monograph
Andrei Vladimirovich Mayorov
«Victim combating crime»
(Chelyabinsk, 2016)70

GONCHAROV D. Y.
Review on the dissertation author's
R. S. Hasanov on the topic «Prevention
of robberies and armed attacks
on facilities of credit and finance
and cash carriers» presented
for the degree of candidate of legal
sciences on specialty 12.00.08 –
«Criminal Law and Criminology»;
«Penal law» (St. Petersburg, 2016)72

PRACTICE

DEMENTEVA N. A.
Analytical review of executive
authorities and local government
of Chelyabinsk region on prevention
of drug addiction among children
and youth75

CONFERENCES AND SEMINARS

**PODOLNYY N. A.,
BUROVA Y. V.**
National security in contemporary
Russia: the strategy for countering
extremism and terrorism
and prospects of overcoming
of global problems
(Information-analytical
materials of the conference)80

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts
of articles in the scientific
journal «VICTIMOLOGY»84

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Рады представить Вам очередной номер нашего научно-практического журнала «Виктимология» 4(10) / 2016.

Открывает журнал рубрика «Личность и преступность» статьёй доцента кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института ЮУрГУ И.Н. Пустовой на тему «ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ». В статье рассматривается понятие «потерпевший», закрепленное в уголовном процессе и закрепленное на законодательном уровне. Автором приводится соотношение данного понятия с понятием «жертва преступления», а также подробно рассматривается как необходимо определять момент надления лица процессуальным статусом потерпевшего в уголовном судопроизводстве России.

В рубрике «Виктимология преступности» представлена статья профессора П.А. Кабанова «ВИКТИМОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ», в которой обосновывается необходимость формирования новой частной виктимологической теории – виктимологии терроризма. Автором описываются основные структурные элементы этой частной виктимологической теории, раскрывается содержание основных научных категорий виктимологии терроризма, предлагаются направления научного поиска и развития этого научного направления. По мнению автора, современная российская виктимология терроризма – это частная виктимологическая теория, изучающее жертв терроризма или террористической деятельности, террористическую виктимность и виктимизацию, виктимологические факторы терроризма и террористической деятельности, вырабатывающая механизмы (средства, инструменты) и технологии виктимологической профилактики потенциальных и виктимологической реабилитации реальных жертв терроризма или террористической деятельности. Она может рассматриваться, с одной стороны, необходимым элементом криминальной (криминологической) виктимологии, а с другой – важнейшим звеном криминологии терроризма.

Следующая статья рубрики, подготовлена заслуженным юристом Республики Татарстан И.М. Гариповым на тему «ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕ-

ДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН». В представленной статье исследуются основные виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан, предлагаются научные дефиниции «коррупционная виктимность», «коррупционная виктимизация», «виктимологические факторы криминального коррупционного поведения», «коррупционно-виктимогенная ситуация», которые могут стать теоретической основой терминологии будущих исследований в области виктимологии коррупции. Проведенное автором криминологическое исследование коррупционно-виктимологических факторов и коррупционно-виктимогенных ситуаций в Республике Татарстан позволяет сделать ему некоторые выводы, о том, что криминальное коррупционное поведение в значительной доле формируется и определяется множеством виктимологических факторов и множеством виктимогенных ситуаций, которые формируют массовую, групповую, корпоративную и индивидуальную коррупционную виктимность в Республике Татарстан.

Далее следует рубрика журнала «Предупреждение преступности», объединяющая научные статьи, посвященные рассмотрению вопросов противодействия, предупреждения и профилактики различного рода преступлений. Она представлена, на наш взгляд, достаточно актуальными публикациями. Хотелось бы отметить статью В.М. Гарманова «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ВИКТИМНОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ И УТРАТИВШИХ СПОСОБНОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО ПЕРЕДВИГАТЬСЯ ИЛИ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКЕ». Статья подготовлена в целях поиска практических направлений применения результатов виктимологических исследований в деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции. Рассматриваются отдельные практические вопросы деятельности полиции при работе с указанной категорией граждан, проблемные вопросы взаимодействия полиции и медицинских работников при работе с данными лицами. Исследование обозначенной проблематики может стать, по мнению автора, основой для совершенствования законодательства, положений нормативных правовых актов, регламентирующих оказание специальной медицинской помощи в указанных ситуациях, положений

нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции, позволит формировать практику результативного взаимодействия полиции и медицинских организаций.

В статье профессора Д.Ю. Гончарова и Ж.Е. Зыряновой: «МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ» уделяется внимание рассмотрению понятия и сущности бытовой коррупции, а также некоторые аспекты мелкого взяточничества. Анализируется целесообразность и обоснованность дифференциации ответственности за взяточничество в зависимости от размера взятки. С учетом проведенного уголовно-правового и криминологического анализа рассматриваемых деяний, предлагается отнести институт «мелкого взяточничества» к сфере административного законодательства.

Не меньший интерес представляет и статья, подготовленная ее авторами Трошиной С.М., Лукьяненко С.Д. на английском языке «АНАЛИЗ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАЧНЫХ СЕРВЕРАХ». Низкий уровень защиты информации при использовании облачных серверов создает угрозу инцидентов. Террористические и экстремистские организации используют уязвимости информации на облачных серверах, что создает риск возникновения техногенных катастроф. Выводы анализа характеристик облачных технологий и имеющихся средств правовой защиты позволил внести предложения по укреплению информационной безопасности в этой области.

Рубрику продолжает статья А.В. Штефан на тему «К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ». В статье раскрыта деятельность субъектов специально-предупредительной деятельности по предупреждению насилия в отношении несовершеннолетних в семье, а также деятельность субъектов социальной политики и гражданского общества: службы социальной помощи, органы здравоохранения и образования, общественные структуры, средства массовой информации, государственные структуры, ответственные за социальную защиту семьи.

В статье К.И. Юровой «КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», отмечено, что преступность иностранцев из-за своих криминологических и уголовно-правовых особенностей представляет собой относительно самостоя-

тельный объект криминологического исследования. Критерием подобного выделения является специальный субъект преступления. Преступность иностранцев рассматривается в современной криминологической науке как разновидность преступности мигрантов. Именно миграция как детерминирующий фактор лежит в основе определения социально-демографического статуса иностранцев.

В рубрике «Рецензии и отзывы», размещены: рецензия на монографию Майорова А.В. «Виктимологическое противодействие преступности» (г. Челябинск, 2016), подготовленная профессором Э.Г. Юзихановой и отзыв на автореферат диссертации Р.С. Гасанова на тему: «Предупреждение грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «уголовное право и криминология»; «уголовно-исполнительное право» (Санкт-Петербург, 2016), написанный доктором юридических наук Д.Ю. Гончаровым.

Новая рубрика «Практика» содержит АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ, подготовленный Н.А. Деметьевой. В представленном обзоре дается оценка результатов деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления Челябинской области в сфере первичной профилактики немедицинского употребления наркотиков.

В завершении номера представлена рубрика «Конференции и семинары», в которой размещен обзор Н.А. Подольного и Ю.В. Буровой всероссийской научной конференции «Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем», которая состоялась 20–21 октября 2016 г. в Средне-Волжском институте (филиале) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России).

Надеемся, что наш журнал «Виктимология» будет полезен Вам в научной и практической деятельности!

Дорогие читатели приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов материалов и научных статей.

С уважением,
главный редактор
А. В. Майоров

Пустовая И. Н.

ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье рассматривается понятие «потерпевший» в уголовном процессе. Приводится соотношение данного понятия с понятием «жертва преступления». Определяется момент наделения лица процессуальным статусом потерпевшего в уголовном судопроизводстве России.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, жертва преступления, заявитель, потерпевший, частный обвинитель.

Преступность в России носит скачкообразный характер. Начиная с 1989 года, количество зарегистрированных преступлений увеличивается с 1619,2 тыс. до 3001,7 тыс. в 1999 году. Наибольший пик преступности наблюдался в 2006 году – 3855,4 тыс. преступлений [1]. В 2015 году эти показатели снизились до 2352,1 тыс. преступлений. За 2015 год в результате преступных посягательств погибло 32,9 тыс. человек, 48,8 тыс. причинен тяжкий вред здоровью. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,0%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 996,5 тыс., грабежа – 71,1 тыс., разбоя – 13,4 тыс.

Каждая четвертая кража (25,1%), каждый двадцать второй грабеж (4,6%), и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,9%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать второе зарегистрированное преступление – квартирная кража¹. Приведенные статистические данные свидетельствуют о лицах, в отношении

которых были совершены преступные посягательства – жертвах преступных действий.

В международных документах эти лица являются жертвами преступных действий. Понятие «жертва преступления» трактуется в широком смысле и содержится в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. В первом пункте декларации отмечено, что «под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью». В понятие «жертва преступления» включаются близкие родственники или иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении. Соответствующие понятие применимо «ко всем лицам без каких-либо различий, не-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе, январь-декабрь 2015 г.// официальный сайт МВД РФ – URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 26. 09. 2016).

зависимо от расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, вероисповедания, национальности, политических или иных взглядов, культурных убеждений или практики, имущественного, сословного или семейного положения, этнического или социального происхождения и нетрудоспособности». Лицо рассматривается как жертва «независимо от того, был ли установлен, арестован, передан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой» [2].

В Российской юридической энциклопедии под «жертвой преступления» понимается физическое или юридическое лицо, подвергшееся преступному посягательству [3, с. 408]. В нормативных документах России отсутствует понятие «жертва преступления», речь идет не о жертве, а о заявителе или потерпевшем. Но, тем не менее, о жертве преступления есть некоторые упоминания в нормативных актах, например в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119 –ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» в п. 2 отмечается, что меры государственной защиты могут быть «применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления...» [4].

В отечественной юридической литературе статус лица, в отношении которого совершены преступные действия, зависит от времени появления этого лица в уголовном судопроизводстве.

В нормативных документах в области уголовного судопроизводства России такие лица могут именоваться как «заявитель», так и «потерпевший».

В уголовном и уголовно-процессуальном законе, а также иных нормативных актах лицо, представившее информацию о преступном посягательстве, именуется заявителем. В соответствующих нормативных документах не дается понятия «заявитель». В толковом словаре русского языка заявитель это «тот, кто подает заявление» [5, с. 225]. О заявителе встречаются сведения в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ), Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других

лиц, содействующих уголовному судопроизводству» [4], приказе МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [6] и других нормативных актах. В УПК РФ процессуальное положение заявителя закреплено небольшим перечнем прав: правом подачи заявления, обязанностью несения уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ (ст. 141 УПК РФ), получения уведомления о принятом решении, и правом обжалования этого решения (ст. 145 УПК РФ).

Потерпевший в уголовном судопроизводстве появляется только после принятия решения о возбуждении уголовного дела и им может быть как физическое так и юридическое лицо.

Физическим лицом является: гражданин Российской Федерации, иностранный подданный, лицо без гражданства.

Основанием для признания физического лица потерпевшим является сведения о причинении ему непосредственно преступлением физического, имущественного или морального вреда. Не имеет значения, причинены ли этому лицу все виды вреда в совокупности либо какой-то отдельно.

Физическое лицо может быть признано потерпевшим независимо от степени дееспособности, определяемой возрастом, физическим или психическим состоянием.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц (ч. 8 ст. 42 УПК РФ).

Близкими родственниками в соответствии с УПК РФ являются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. (п. 4 ст. 5 УПК РФ). Представляется, что права потерпевшего, переходят к ним с учетом достигнутой между ними договоренности. Если же такая договоренность не достигнута, то следователь определяют потерпевшего самостоятельно [7, с. 147]. Если на праве потерпевшего настаивают несколько лиц из числа близких род-

ственников погибшего, то они также могут быть признаны потерпевшими. Аналогичную точку зрения высказывают профессор А. П. Гуляев и О. А. Зайцев [8, с. 119].

Если близкие родственники отсутствуют или они не могут принять участие в уголовном судопроизводстве, то право потерпевшего переходят к одному из родственников, а если их нет, то к близким лицам, которыми являются иные лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, в силу сложившихся личных отношений (п. 4 ст. 5, п. 8 ст. 42 УПК РФ).

В качестве потерпевшего, кроме физического лица, законодатель определяет и юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен вред имуществу или деловой репутации, при этом не имеет значения, причинен ли вред в совокупности либо отдельно.

В силу статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения. К юридическим лицам также относятся корпоративные организации, если их участники имеют корпоративные права.

Любое юридическое лицо подлежит обязательной государственной регистрации в органах юстиции с занесением в единый государственный реестр юридических лиц, ознакомиться с которым имеет право и возможность любое лицо. Дата регистрации и внесения в государственный реестр определяет момент создания юридического лица и появления у него прав и обязанностей, в том числе (потенциально) уголовно-процессуальных (ст. 51 ГК РФ).

Основанием для признания юридического лица потерпевшим является факт причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель (ч. 9 ст. 42 УПК РФ), которым может выступать руководитель юридического лица или иное лицо, представляющее его интересы.

Для принятия решения о признании лица потерпевшим при производстве по уголовному делу необходимо наличие фактических оснований. Таковыми являются: наличие в уголовном деле доказательств, указывающих на причинение вреда непосредственно преступлением [9, с. 138–139].

Потерпевший появляется на стадии предварительного расследования в ходе производства по уголовному делу, с момента вынесения следователем постановления о признании потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Закон не связывает признание потерпевшего с желанием или согласием лица, понесшего вред от преступления.

Физическое или юридическое лицо признается потерпевшим независимо от того, было ли установлено лицо, совершившее преступление, задержано ли оно либо избрана ли ему мера пресечения в виде содержания под стражей, а также независимо от родственных отношений между потерпевшим и лицом, совершившим преступление.

Признание потерпевшим может иметь место как по заявлению физического или юридического лица, так и по инициативе должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

Процессуально-правовое решение о признании физического или юридического лица потерпевшим должно быть принято сразу же, как только будут обнаружены фактические данные, указывающие на то, что в отношении лица совершено преступное деяние (действие или бездействие), предусмотренное уголовным законом, но не ранее момента возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что признать лицо потерпевшим необходимо как можно быстрее. Необоснованное промедление с признанием физического или юридического лица потерпевшим лишает его возможности быть активным участником уголовного судопроизводства [8, с. 114].

В связи с этим неоднократно высказывались мнения ученых о необходимости

сти признания лица потерпевшим сразу же после принятия решения о возбуждении уголовного дела [См.: 10, 11, 12]. Но только в 2013 году оно нашло свое отражение в уголовно-процессуальном законе, предусматривающим принятие решения о признании лица потерпевшим «незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела...»².

Потерпевший вступает в уголовный процесс с момента вынесения постановления, наделяющего его соответствующим статусом – потерпевшего. С этого момента ему разъясняются процессуальные права, предусмотренные п.п. 1-22 ч. 2 ст. 42 и рядом других статей УПК РФ, которыми он имеет право пользоваться и быть полноправным участником уголовного процесса. Отметим, что его права значительно шире прав заявителя. Потерпевший представляет сторону обвинения и вправе поддерживать обвинение, которое выдвигается следователем, в целях защиты своих интересов.

Решение о признании потерпевшим индивидуально – постановление о признании потерпевшим выносится в отношении каждого потерпевшего независимо от их количества в уголовном деле [13, с. 48–51].

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" – URL: <http://www.consultant.ru/>

Необходимо отметить, что при совершении преступлений частного характера, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ («Умышленное причинение вреда здоровью»), ч. 1 ст. 116 УК РФ («Побои»), ч. 1 ст. 128.1 (Клевета), в уголовном судопроизводстве потерпевший наделяется статусом частного обвинителя (ст. 43 УПК РФ). Частный обвинитель это тот же потерпевший, и ему разъясняются права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ. Однако его полномочия в суде расширены, так как он наделен правом лично выдвигать обвинение в суде, отстаивая свои интересы.

Таким образом, можно отметить, что лицо, в отношении которого совершено преступление, в уголовном процессе России может иметь несколько статусов: «заявитель», «потерпевший», «частный обвинитель» и они более конкретизированы, чем «жертва преступления» [См.: 14, 15, 16, 17]. Потерпевшим в уголовном процессе России может выступать как физическое, так и юридическое лицо. Кроме того, появление потерпевшего связано не только с моментом возбуждения уголовного дела, но и моментом вынесения соответствующего процессуального документа – постановления о признании лица потерпевшим, которое при производстве по уголовному делу предоставляет ему право быть активным участником уголовного процесса и защищать свои права и интересы и представлять сторону обвинения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистика преступности в России // официальный сайт Русский эксперт – URL: <http://ruxpert.ru> (дата обращения 26. 09. 2016).

2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Официальный сайт ООН

URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения 29. 09. 2016).

3. Российская юридическая энциклопедия. – М.: Издательский Дом ИНФРА – М., 1999. – X, 1110 с.

4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: федер. закон №119-ФЗ от 20.08.2004г. (ред. от 03.07.2016) Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru/>

5. Толковый словарь русского языка – М.:Азбуковник, 1999. – 944 с.

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru/>

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В. В. Мозякова. – М.: Издательство «Экзамен XXI», 2002. – 864 с.
9. Рыжаков А. П. Уголовный процесс : учеб. для вузов. – М., Издательство «ПРИОР». 1999. – 592 с.
10. Казаков А. И. Процессуальные действия по защите прав потерпевшего // Бюллетень Уральского отделения международной ассоциации содействия правосудию. Екатеринбург. – 2009. – № 1. – С. 32-33;
11. Корнеева А. Н. Проблема определения понятия «потерпевший» в науке российского уголовного процесса // Закон и право. – 2009. – № 8. – С. 57-36;
12. Желудков М. Особенности уголовно-процессуальной деятельности потерпевших в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 94-97.
13. Сергеев В.И. Образцы процессуальных документов по новому УПК РФ. Комментарий УПК РФ – М.: Приор-издат, 2002. – 933 с.
14. Майоров А.В. Правовые основы защиты жертв преступности в России // Виктимология. – 2016. – № 2. – С. 16-21.
15. Майоров А. В. Виктимологические особенности потерпевших в уголовном законодательстве Российской Федерации // Виктимология. – 2015. – № 2. – С. 7-11.
16. Майоров А.В. О понятии «пострадавший» в уголовном праве // Виктимология. – 2015. – № 2. – С. 7-11.
17. Ахмедшина Н.В. О потерпевших от преступлений // Виктимология. – 2015. – № 1. – С. 11-15.

ПУСТОВАЯ Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
E-mail: elfrybka@mail.ru

Pustovaya I. N.

CONCEPT OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIA

In article the concept of «victim» in the criminal process is considered. The relation of this concept with the concept of «victim of a crime» is presented. The moment of endowing an entity of procedural status of victim in the criminal trial of Russia is determined.

Keywords: *participants in criminal proceedings, victim of a crime, the applicant, the victim, the private prosecutor*

PUSTOVAYA Irina, candidate of Legal Sciences, Associate professor. Associate Professor, Department of Law Enforcement and National Security Law Institute of the South Ural State University, Chelyabinsk
E-mail: elfrybka@mail.ru

Кабанов П. А.

ВИКТИМОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье обосновывается необходимость формирования новой частной виктимологической теории – виктимологии терроризма. Автором описываются основные структурные элементы этой частной виктимологической теории, раскрывается содержание основных научных категорий виктимологии терроризма, предлагаются направления научного поиска и развития этого научного направления.

Ключевые слова: жертва, виктимология, жертва терроризма, виктимология терроризма, террористическая виктимность, виктимологическая профилактика, виктимологическая реабилитация, виктимологические факторы.

Современному обществу сообща приходится преодолевать множество самых разных по своему содержанию угроз. Среди таких угроз особое место занимает террористическая деятельность или терроризм. Современный терроризм – это сложное многоликое и многогранное негативное социально-правовое явление. Он всегда привлекал внимание представителей государства и общества своей разрушительной силой. Однако в современное время в связи с его распространенностью и повышенной общественной опасностью, этому социальному явлению уделяется особое внимание не только специалистами в области противодействия терроризму, но и высшими должностными лицами различных государств и международных организаций.

В конце прошлого начале текущего столетия терроризм принял наиболее опасный международный (интернациональный) транснациональный организованный характер. Принимаемые международным сообществом и национальными государственными органами меры оказываются малоэффективными и не снижают показателей вредоносности этого явления. Более того, активно функционируют

онируют крупные международные террористические организации, дестабилизирующие обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах (Аль-Кайда, Хиз ут-Тахрир, аль Ислами, Джебхат ан-Нусра) [38, с.4]. Поэтому исследование проблем противодействия терроризму специалистами различных отраслей знания становится актуальным и практически значимыми.

Необходимо отметить, что терроризм как социально-правовое явление современные специалисты рассматривают с различных научных и мировоззренческих позиций. Учеными различных отраслей гуманитарного знания посвящено множество научных исследований [7; 10; 11; 13; 25; 27; 28; 29; 34; 36; 37; 46; 52; 67; 69; 70; 92; 94; 96; 98; 105], в том числе и диссертационных работ [16; 18; 19; 26; 30; 31; 41; 50; 54; 57; 59; 62; 64; 73; 85; 97; 104; 110; 112] по вопросам противодействия терроризму и террористической деятельности. Зарубежными специалистами подготовлена и опубликована в начале текущего столетия специальная энциклопедия – энциклопедия терроризма [6]. Регулярно выходит в свет на английском языке международный журнал «Терро-

ризм», в котором публикуются новейшие исследования в области политологии, криминологии, социологии и психологии терроризма [5]. В США и других зарубежных государствах, после крупных террористических актов, произошедших 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, стала активно формироваться криминология терроризма как самостоятельное научное направление [9; 55] и учебная дисциплина для учреждений высшего образования [3].

Однако современная действительность требует познания не только общих закономерностей развития терроризма и террористической деятельности, но и обращения к жертвам этой деятельности по оказанию им социальной, материальной, психологической, правовой и медицинской помощи и восстановления их нарушенных прав и законных интересов. Поэтому сегодня не только важно и необходимо исследование виктимологических аспектов противодействия терроризму и террористической деятельности. Виктимологические исследования терроризма и террористической деятельности обусловлены несколькими обстоятельствами. Во-первых, во всем мире постоянно возрастает не только количество актов терроризма и террористической деятельности, но и жертв терроризма, рост масштабов причиненного вреда, для которого становятся характерными огромные и невосполнимые человеческие жертвы. Только за период с 1993 по декабрь 2007 года по неполным данным в результате террористической деятельности на территории России погибли 1913 человек и более 4000 человек получили ранения различной степени тяжести [4], причинен огромный материальный и моральный ущерб. Затраты федеральных и региональных органов государственной власти на ликвидацию последствий террористической деятельности и профилактику терроризма постоянно возрастают. Если в 1995 и 1996 годах они составили только на ликвидацию последствий терроризма 187,8 и 91,3 миллиона деноминированных рублей, то в 1999 и 2000 годах они уже составили 1091,0034 и 315,4064 миллиона рублей. Общие затраты Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий террористической деятельности за период 1995-1996 и 1999-2000 гг. состави-

ли, только по данным опубликованным в отдельных постановлениях и распоряжениях правительства о ликвидации последствий террористической деятельности, – 1 миллиард 685 миллионов 509 тысяч 800 рублей. Сколько материальных и финансовых средств было потрачено региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и частными лицами подсчитать практически не возможно. Огромные потери причиняются терроризмом (террористической деятельностью) и международному сообществу. По некоторым данным, только за период с 1991 по 2001 год непосредственными жертвами террористических актов в мире стало 27 639 человек [66]. Следует отметить, что эти статистические показатели жертвоприношения терроризму со стороны общества постоянно ухудшаются. По данным зарубежных источников только в 2014 году от рук террористов погибли 13426 человек, а причиненный террористической деятельностью ущерб оценивается в 52,9 млрд. долларов США [8]. Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени опасности терроризма и террористической деятельности и их вредоносности для современного общества. Во-вторых, вырабатываемые современными российскими и зарубежными специалистами и принимаемые органами государственной власти антитеррористические меры не в полной мере удовлетворяют потребностей общества. В первую очередь жертв терроризма и террористической деятельности в вопросах оказания им достаточных мер виктимологической реабилитации и виктимологической защиты, что, несомненно, делает необходимым активную научную разработку виктимологических аспектов противодействия терроризму.

В мировой виктимологической теории ещё в конце 70-х годов прошлого XX века известным виктимологом Е.А. Фаттахом было обращено внимание на необходимость формирования самостоятельного направления виктимологии – виктимологии терроризма как одного из частных направлений виктимологии [2, с.81–108], которое и сейчас активно развивается [1]. В силу ряда объективных причин (небольшого количества террористических актов, их замалчивание в

средствах массовой информации) в советский период этой проблематикой советские специалисты не занимались. Лишь в конце XX – начале XXI вв. к виктимологической проблематике терроризма и террористической деятельности стали обращаться отдельные современные российские специалисты в области психологии и криминологии [17, с.37–53; 21, с.333–340; 35, с.131–135; 84, с.64]. Эти попытки носили частный характер, поэтому до настоящего времени в криминологической науке не выработаны теоретические основы виктимологии терроризма. Во-первых, не предложены научно обоснованные базовые понятия виктимологии терроризма как важного научного направления наук криминального цикла. Во-вторых, не определены границы предметного поля виктимологии терроризма. В-третьих, не указано место виктимологии терроризма в системе наук криминального цикла. В-четвертых, не раскрыта архитектура виктимологии терроризма. В-пятых, не обозначены основные и промежуточные цели и задачи виктимологии терроризма. В-шестых, не определены ближайшие и отдаленные перспективы её развития. Это позволяет сделать вывод о том, что в современной российской виктимологической науке фактически отсутствует целостная стройная виктимологическая теория, позволяющая систематизировать полученные научные знания о жертвах терроризма и террористической деятельности, процессах их виктимизации, виктимологический факторах этого явления, мерах виктимологической профилактики и виктимологической реабилитации его жертв.

На наш взгляд, место виктимологии терроризма в системе современных виктимологических знаний ещё в конце XX века довольно точно и верно определили известные российских криминологи Д.В. Ривман и В.С. Устинов как частной виктимологической теории [90, с. 66]. Этой позиции по статусу виктимологии терроризма поддерживается и автор настоящей работы [40, с.31–34]. Хотя, возможно, уже в ближайшее время отдельные специалисты могут поставить вопрос о её межотраслевом криминологическом статусе. Для постановки такого вопроса нужно, чтобы развивающаяся криминология терроризма получила отраслевой статус криминологических знаний.

Действительно, современная российская виктимология терроризма как относительно самостоятельное учение о жертвах терроризма и террористической деятельности является одним из направлений современной российской криминальной (криминологической) виктимологии. Здесь она имеет относительно «привилегированный» статус. Её «привилегированное» положение среди других частных виктимологических теорий обусловлено, в первую очередь тем, что в российском государстве имеется «богатая» и печальная собственная правоприменительная (судебная) практика [12; 43]. Во-вторых, относительно полно разработаны правовые основы не только противодействия терроризму [75; 76; 78], но и по оказанию обязательной государственной социальной, медицинской, психологической, правовой и иной защиты и помощи жертвам терроризма и террористической деятельности, а также механизмы их реализации как на федеральном [80; 81; 83], так и региональном уровнях [74; 77; 79; 82].

Безусловно, важнейшим элементом и основой виктимологии терроризма как частной виктимологической теории является определение её предметного поля. Очевидно, что основным предметом современной российской виктимологии терроризма является жертва терроризма и/или террористической деятельности. Как показывает отечественная и зарубежная практика противодействия терроризму, жертва терроризма – это физическое и/или юридическое лицо, которому террористическим актом или террористической деятельностью причинен физический, материальный, моральный либо репутационный вред. Некоторые исследования этой части предмета виктимологии терроризма уже получают свое развитие в современной российской криминологической науке [22, с.210–216; 42, с.40–42]. С учетом специфики жертв терроризма отечественными специалистами уже проведена работа по их типологии (типологизации) [61, с.213–226] и классификации [60, с.29–58] на однородные группы как для научных целей, так и для индивидуализации и дифференциации оказания им достойной и одновременно достаточной социальной, медицинской, психологической, правовой и иной помощи и поддержки со стороны государства и общества.

Вызывает некоторое недоумение отсутствие в российской науке исследований, посвященных виктимологическими измерениями терроризма и террористической деятельности, основанных на данных официальной виктимологической статистики. Такие исследования сейчас крайне необходимы и возможны, поскольку они должны отражать количественные и качественные показатели последствий терроризма и террористической деятельности. Поэтому обязательным элементом предмета виктимологии терроризма должны стать виктимологические измерения (виктимологический мониторинг) терроризма и террористической деятельности с использованием как статистических, так и социологических средств. Попытки таких научных исследований отдельными специалистами уже осуществляются [15, с.321–325], в том числе и на материалах прошлого [44, с.24–32].

Нам представляется, что в качестве предмета современной виктимологии терроризма должна выступать террористическая виктимность. Этот термин, введенный в научный оборот относительно недавно украинскими специалистами в области психологии [51], достаточно точно характеризует его содержание. На наш взгляд, террористическая виктимность – это объективная возможность или способность («предрасположенность») любого лица, в том числе и юридического, стать непосредственной или опосредованной жертвой терроризма или террористической деятельности. Террористическую виктимность физических и юридических лиц органам государственной власти следует выявлять различными средствами в целях нейтрализации (локализации, ликвидации либо устранения) причин и условий, ей способствующих. Здесь особое внимание специалистов должна привлечь не только и не столько массовая и индивидуальная [14, с.181–186; 20, с. 417–418; 95, с.21], но и корпоративная террористическая виктимность. Под корпоративной террористической виктимностью мы понимаем возможность и/или способность какого-либо юридического лица (предприятия, организации, учреждения) стать жертвой терроризма или террористической деятельности.

Традиционно в российской научной криминологической литературе, при рассмотрении виктимологических аспектов

противодействия преступности, выделяют такую значимую проблему, как виктимизация. Под виктимизацией специалистами обычно подразумевается – процесс становления жертвой преступления или злоупотребления властью, то есть процесс реализации потенциальной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который неразрывно связан с преступной деятельностью [23, с.19–22; 45, с.21; 56, с.54; 71, с.11–21; 88, с.155; 89, с.184; 93, с.97; 109, с.298], в том числе и терроризмом или террористической деятельностью. Следовательно, террористическую виктимизацию как процесс становления жертвой терроризма или террористической деятельности требуется рассматривать как один из элементов предмета виктимологии терроризма и начать его исследование, выделяя основные направления развития этого процесса для различных категорий жертв терроризма и террористической деятельности.

Безусловно, одним из основных элементов предмета современной российской виктимологии терроризма являются его виктимологические или виктимогенные факторы, представляющие собой совокупность обстоятельств, порождающих жертву преступления, способствующие её виктимизации [24, с.37; 106, с.10]. Здесь, как нам представляется, следует активно и пристально рассматривать виктимологические факторы терроризма и террористической деятельности как единую, целостную, интегративную систему, воспроизводящую как свое закономерное следствие конкретный террористический акт или определенный вид террористической деятельности.

Разумеется, важнейшей составляющей предмета виктимологии терроризма должны выступать исследования конкретных виктимологических ситуаций, способствующие террористической активности в пределах того или иного региона [39, с.549] или объекта повышенной опасности.

Однако наиболее значимым структурным элементом предмета современной виктимологии терроризма должно быть виктимологическое направление предупреждения терроризма. О его необходимости заявляют отдельные специалисты, занимающиеся вопросами противодействия терроризму [53, с.31–34].

Этот раздел виктимологии терроризма должен развиваться по двум практико-ориентированным направлениям. Во-первых, вырабатывать общесоциальные и некоторые специальные меры, направленные на снижение виктимности потенциальных жертв терроризма или террористической деятельности. Это направление следует именовать «виктимологическая профилактика терроризма». Во-вторых, обеспечивать полное, насколько это возможно в современных социально-экономических условиях, возмещение причиненного физического, материального, морального и иного вреда жертвам терроризма или террористической деятельности, а также восстановление их нарушенных прав и законных интересов. Это направление виктимологического противодействия терроризму можно условно назвать «виктимологическая реабилитация жертв терроризма», используя уже принятую в науке терминологию [32, с.154–155; 33, с.40–43; 84, с.101–105; 111, с.165–171].

Для виктимологического предупреждения терроризма в современном обществе наиболее значимыми теоретическими и прикладными задачами на ближайшую перспективу могут стать:

а) выработка эффективных общесоциальных и специальных мер, инструментов, средств, механизмов и технологий, направленных на минимизацию (нейтрализацию) негативных социальных последствий терроризма;

б) разработка закрепление правовых основ предоставления и оказания достаточной социальной, психологической, правовой, медицинской, материальной либо иной помощи жертвам терроризма или террористической деятельности на региональном и муниципальном уровнях, а так же виктимологической реабилитации жертв терроризма или террористической деятельности;

в) исследование и последующее внедрение в российскую правоприменительную и социальную практику механизмов виктимологической реабилитации жертв терроризма или террористической деятельности на иные категории жертв, в первую очередь жертв криминального экстремизма наиболее опасной разновидностью которого и является терроризм.

Несомненно, что в рамках современной виктимологии терроризма уже в бли-

жайшее время необходимо исследовать и ряд других интересных теоретических проблем, относящихся к её предмету. Во-первых, следует определиться с базовой методологией и методикой познания жертв терроризма и террористической деятельности. Во-вторых, произвести виктимологическое измерение состояния террористической виктимности в различных регионах России, то есть заложить основы географии террористической виктимности России, разработав количественные и качественные показатели виктимологического мониторинга террористических угроз. В-третьих, следует наладить учет основных виктимогенных факторов современного терроризма и террористической деятельности и систематизировать их. В-четвертых, следует обратиться к зарубежному и международному опыту исследования жертв терроризма, мер виктимологической профилактики, а также механизмов оказания им мер социальной защиты и виктимологической реабилитации [65, с.141–148; 87]. В-пятых, обобщить судебную и иную социальную практику по реализации правовых основ оказания социальной и иной помощи и поддержки жертвам терроризма и террористической деятельности, тем более что такая правоприменительная и социальная практика уже существует и обсуждается среди специалистов [100, с.7–9; 101, с.25–32; 102, с.83–84; 47; 48, с.220–222; 49, с.184–186; 58, с.178–187; 63, с.147–149; 68, с.19–24; 72, с. 113–116; 91, с.35–38; 99, с.159–165; 103, с.23–25; 107, с.43–46; 108, с.14–17].

Изложенное выше позволяет нам подвести основные итоги проведенного исследования. Во-первых, сформулировать собственное определение виктимологии терроризма как частной виктимологической теории. Во-вторых, определить её место в системе научных криминологических знаний. В-третьих, определить круг основных теоретических вопросов, входящих в её предмет.

По нашему мнению, современная российская виктимология терроризма – это частная виктимологическая теория, изучающее жертв терроризма или террористической деятельности, террористическую виктимность и виктимизацию, виктимологические факторы терроризма и террористической деятельности, вырабатывающая механизмы (средства, инстру-

менты) и технологии виктимологической профилактики потенциальных и виктимологической реабилитации реальных жертв терроризма или террористической деятельности. Она может рассматриваться, с одной стороны, необходимым элементом криминальной (криминологической) виктимологии, а с другой – важнейшим звеном криминологии терроризма.

Основными структурными элементами, входящими в предмет виктимологии терроризма, могут быть:

а) жертвы терроризма и его виктимологическая характеристика;

б) террористическая виктимность (массовая, групповая, видовая, индивидуальная, корпоративная), её измерение (виктимологический мониторинг терроризма) и состояние в Российской Федерации;

в) террористическая виктимизация;

г) виктимологические факторы терроризма или террористической деятельности и виктимологические ситуации, способствующие проявлению терроризма;

д) система виктимологического предупреждения терроризма или террористи-

ческой деятельности, включающая в себя виктимологическую профилактику терроризма или террористической деятельности и виктимологическую реабилитацию жертв терроризма или террористической деятельности.

Полагаем, что в ближайшее время перед российскими и зарубежными специалистами в области противодействия терроризму и террористической деятельности встанет вопрос о структуре виктимологии терроризма, научном описании и объяснении каждого из элементов, входящих в её предмет, целях и задачах этого научного направления, его функциях и ближайших перспективах развития. Но это уже следующий этап развития виктимологии терроризма.

Заканчивая рассмотрение вопросов виктимологии терроризма как частной криминологической теории, мы понимаем, что не все аспекты этого научного направления нами исследованы в данной работе достаточно полно. Поэтому мы рассчитываем на то, что их научный поиск, описание и объяснение дадут благотворную почву для новых исследований в области виктимологии терроризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Athar, Waheed. Victims of Terrorism in Pakistan: Challenge and Response // <http://southasia.wisc.edu/wp-content/uploads/2015/01/Mar-5.pdf>.

2. Fattah E.A. Reflections on the Victimology of Terrorism // *Terrorism*. – 1979. – №3 (1-2). – P.81-108.

3. Gary LaFree, Joshua D. Freilich. *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. – Wiley-Blackwell, 2016. – 632 с.

4. <http://antiterror.ru/in.russia/81051648> (Дата обращения: 14.09.2016)

5. <http://www.tandfonline.com/toc/uter19/current>. (Дата обращения: 11.09.2016)

6. Kushner, Harvey W. *Encyclopedia of Terrorism*. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2003. – 538 с.

7. Schmid A. *Political terrorism: A guide to concepts, theories, data bases and literature*. – New Brunswick, NY, 1983.

8. *The Global Economic Cost of Terrorism Js Nome at Its Highest Since 9/11*, Bloomberg, Nov. 17.

9. Vanderhoof D.J.W. *The Criminology of Terrorism*. – Pembroke, 2001. Brooks, Graham *The criminology of terrorism: closing the gap*. BSc dissertation, University of Portsmouth, 2007.

10. Антипенко В.Ф. *Борьба с современным терроризмом: Международно-правовые подходы*. – Киев, 2002.

11. Антипенко В.Ф. *Современный терроризм: состояние и возможности его предупреждения (криминологическое исследование)*. – Киев, 1998.

12. Апелляционное определение Верховного суда Чеченской Республики от 28.01.2014 по делу N 33–29/14.

13. Атливанников Ю.Л., Энтин М.Л. *Международная борьба с терроризмом (правовые аспекты): Научно-аналитический обзор*. – М., 1988.

14. Ахмедшина Н.В. *Виктимность как основное виктимологическое понятие // Актуальные проблемы развития российского законодательства*. – Томск, 2005. – С.181-186.

15. Барданова Е.В. О необходимости изучения виктимизационных последствий терроризма // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе / под ред. А.Н. Игнатова. – Симферополь, 2012. – С.321–325.
16. Белявский Д.Г. Криминологические детерминанты терроризма: дис. канд. юрид. наук. – М., 2006.
17. Богданчиков С.В. Защита прав потерпевших от терроризма // Юриспруденция. – 2003. – №3. – С.37-53.
18. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1998.
19. Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 1981.
20. Вишневецкий К.В. Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №2. – С.417-418.
21. Вишневецкий К.В. Терроризм. Виктимологический аспект // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №5. – С.333–340.
22. Воскобитова М.Р. Жертвы терроризма: сравнительный анализ американской и российской политической и правовой практики // Российский криминологический взгляд. – 2008. – №4. – С.210–216.
23. Гаптелганиев Р.Т. Виктимизация как процесс реализации криминальной виктимности // Российский следователь. – 2010. – №23. – С.19–22.
24. Глухова А.А., Изосимов С.В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2010.
25. Гравчев С.И. Терроризм. Вопросы теории. – Н. Новгород, 2007.
26. Грачёв С.И. Международный терроризм в 1970–1990-х гг.: исторический и социально-политический аспекты: дис. ... канд. истор. наук. – Н. Новгород, 1996.
27. Дикаев С.У. Вековые конфликты и современные проблемы терроризма (Правовой и политико-криминологический анализ): Монография. – Уфа, 2003.
28. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб., 2006.
29. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография. – СПб., 2004.
30. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
31. Дмитриев А.С. Терроризм: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
32. Добряков И.В., Цуцьева Ж.Ч., Яхъяева Л.И. Организация реабилитации жертв террористического акта в Беслане // Прикладная юридическая психология. – 2008. – №1. – С.154–155.
33. Дубинкин В.А., Ивченко А.С. Медицинская реабилитация пострадавших при террористических актах // Вестник восстановительной медицины. – 2016. – №3. – С.40-43.
34. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002.
35. Задорожный В.И. Виктимология терроризма, экстремальных ситуаций и криминальных конфликтов // Чрезвычайное законодательство и борьба с терроризмом: Сборник научных статей. – М.: Академия управления МВД России, 2003. – С.131–135.
36. Иванов С.Н. Терроризм как угроза безопасности России. – Ижевск, 2010.
37. Иванов С.Н. Терроризм смертников: история и современность. – М., 2008.
38. ИГИЛ – угроза Человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм. – М., 2016. – 40 с.
39. Ищенко Е.П., Алымов Д.В. Основные направления виктимологической профилактики преступлений террористической направленности: криминологический и криминалистический аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т.9. – №3. – С.538-546.
40. Кабанов П.А. Виктимология терроризма как частная виктимологическая теория: понятие, содержание, предмет, структура // Следователь. – 2007. – №12. – С.31–34.
41. Казаков Р.Ю. Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
42. Казакова М.А. Жертва терроризма: понятие и криминологический анализ содержания // Следователь. – 2008. – №7. – С.40–42.

43. Кассационное определение Верховного суда Республики Дагестан от 14.01.2011 по делу N 33–3673/2011.
44. Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – №2. – С.24–32.
45. Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты потерпевших от преступлений. – М., 1999.
46. Клементьев А.С., Никишев А.В. Международное сотрудничество правоохранительных органов по предупреждению технологического терроризма: монография. – М., 2013. – 152 с.
47. Копик М.И. Компенсация морального вреда жертвам терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 22 с.
48. Копик М.И. Проблемы определения размера компенсации вреда жертвам терроризма // Вестник ВГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2011. – 2. – С.220–222.
49. Копик М.И. Требование разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда жертвам терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2010. – №2 (13). – С.184–186.
50. Корноухова Т.В. Административно-правовые средства противодействия терроризму в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 29 с.
51. Корсун С.И. Психологические основы террористической виктимности // Юридична психологія. – 2015. – №1. <http://www.naiu.kiev.ua/psychped/index.php/ru/vypusk-1-2015/psikhologicheskie-problemy-raboty-s-delinkventami/176-psikhologicheskie-osnovy-terroristicheskoy-viktimnosti.html>. (Дата обращения: 11.10. 2016)
52. Кофман Б.И. и др. Терроризм: история и современность. – Казань, 2002.
53. Кулмухамбетова Б.А. Виктимологические аспекты проблемы предупреждения терроризма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – №17. – С.31-34.
54. Курбанмагомедов А.А. Терроризм на Северном Кавказе (уголовно-правовой и криминологический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 26 с.
55. Brooks, Graham The criminology of terrorism: closing the gap. BSc dissertation, University of Portsmouth, 2007.
56. Лелетова М.В. Анализ понятийного аппарата виктимологии // Противодействие преступности: Сборник научных трудов / Под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск, 2005. – Вып.5.
57. Лунев А.А. Терроризм как объект криминологического изучения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
58. Магомедов А.Ш. Защита адвокатом прав лиц, пострадавших от проявлений терроризма // Публичное и частное право. – 2012. – №1. – С.178-187.
59. Магомедов Д.Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
60. Макарова Т.В. Основания классификации жертв терроризма // Юридические исследования. – 2014. – №4. – С.29–58.
61. Макарова Т.В. Типология жертв терроризма // Юридические исследования. – 2013. – №8. – С.213–226.
62. Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. канд. юрид. наук. – СПб., 2003.
63. Мальсагов А.Т. Способы возмещения вреда пострадавшим от террористического акта // Черные дыры в российском законодательстве. – 2009. – №4. – С.147–149.
64. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: автореф. ... дис. канд. юрид. наук.. – Калининград, 2016. – 24 с.
65. Меньших А.А. Материальные компенсации потерпевшим от террористических актов по законодательству Франции, Италии и Испании // Журнал российского права. – 2003. – №12. – С.141-148.
66. Мировой терроризм в цифрах // Российская газета. – 2002. – 1 ноября.
67. Михеев В.Л., Пиджаков А.Ю., Чибинев В.И. Современные формы международного терроризма (правовая основа противодействия). – СПб., 2011.
68. Нардина О.В. Восстановление прав жертв преступлений и террористических актов: проблемы теории и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – №1. – С.19–24.

69. Нардина О.В. Российский конституционализм и противодействие терроризму: современные проблемы: монография. – М., 2014.
70. Насер Али Салех Ахмад. Проблема терроризма в странах Ближнего Востока (на примере Йемена и Египта). – СПб., 2002.
71. Невский Н.Н. Антология виктимизации // Вестник виктимологической ассоциации (Н. Новгород). – 2002. – №1. – С.11–21.
72. Никабадзе Н.Н. К вопросу о некоторых проблемах возмещения вреда, причиненного террористическим актом // Современные тенденции развития науки и технологии. – 2015. – №6-7. – С.113–116.
73. Никитин А.В. Терроризм как форма девиантного поведения (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003.
74. О дополнительных мерах социальной поддержки граждан, выполнявших задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, а также непосредственно участвовавших в борьбе с терроризмом на территории Республики Дагестан и Чеченской Республики, в выполнении задач в зоне вооруженного конфликта и условиях чрезвычайного положения в Республике Южная Осетия: закон Астраханской области от 01.08.2000 №33/2000-ОЗ // Астраханские известия. – 2000. – 31 августа.
75. О мерах по противодействию терроризму: указ Президента РФ от 15.02.2006 №116 (в ред. от 26.12.2015 №664) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №8. – Ст. 897.
76. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: указ Президента Российской Федерации от 26.12.2015 №664 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – №52 (часть I). – Ст. 7591.
77. О мерах социальной поддержки семей граждан, смерть которых явилась последствием террористического акта, совершенного 24 августа 2004 года на борту самолета ТУ-134, следовавшего рейсом №1303 «Москва - Волгоград»: закон Волгоградской области от 18.05.2005 №1062-ОД // Волгоградская правда. – 2005. – 25 мая.
78. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года №35-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 №374-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №11. – Ст.1146.
79. Об обеспечении жильем граждан, пострадавших вследствие террористического акта в г. Беслане 1-3 сентября 2004 года: закон Республики Северная Осетия-Алания от 30.11.2011 №44-РЗ // Северная Осетия. – 2011. – 8 декабря.
80. Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в г. Будённовске Ставропольского края: постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 1995 г. №579 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №26. – Ст.2477.
81. Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в январе 1996 года в Республике Дагестан: постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 1996 г. №58 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №5. – Ст.483.
82. Об осуществлении социальных выплат на приобретение жилых помещений по государственным жилищным сертификатам гражданам Российской Федерации, лишившимся жилых помещений в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомочными действиями, избравшим местом жительства Красноярский край: закон Красноярского края от 19.04.2012 №2-193// Наш Красноярский край. – 2012. – 11 мая.
83. Об утверждении Правил осуществления реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 года №6 (в ред. от 25.03.2013 №257)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №3. – Ст.452.
84. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – М., 2002. – С.64.
85. Пашков М.С. Меры безопасности в системе противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006.
86. Перепёлкина А.О. Реабилитация жертв терроризма // Современный мир: безопасность и права человека. – Смоленск, 2006. – С.101-105.
87. Поддержка жертв терроризма. – NY.: ООН, 2009. – 30 с.
88. Ривман Д.В. Механизм индивидуального преступления // Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб., 1998.
89. Ривман Д.В. Механизм индивидуального преступления // Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб., 2005.

90. Ривман Д.В., Устинов В.С. Понятие и предмет виктимологии // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института / Отв. ред. В.З. Антоненко. – Нижнекамск, 1999. – Вып.1. – Ч.1.
91. Рощин М.Е. Некоторые проблемы возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2010. – №1 (18). – С.35–38.
92. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. – М., 1999.
93. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. – Казань-Елабуга, 1998.
94. Синякин И.И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: монография. – М., 2012. – 192 с.
95. Сирик М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006.
96. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. – М., 2005.
97. Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2012.
98. Трайнин А.Н. Терроризм в качестве интернационального преступления. – М., 1969.
99. Трофимов Н. Правовые гарантии возмещения вреда, причиненного террористическим актом // News of Science and Education. – 2016. – Т.8. – № 1. – С. 159–165.
100. Трунов И.Л. Основные принципы правосудия по возмещению вреда, причиненного в результате терроризма // Адвокат. – 2005. – №1. – С.7–9.
101. Трунов И.Л. Возмещение вреда пострадавшим от террора // Современное право. – 2002. – №2. – С.25–32.
102. Трунов И.Л. Изменения в компенсации вреда жертвам терроризма // Административное и муниципальное право. – 2009. – №1. – С.83–84.
103. Трушин С. Правовой механизм возмещения вреда потерпевшим от террористических актов // Закон и право. – 2007. – №2. – С.23–25.
104. Тулеев М.С. Международный терроризм как угроза безопасности стран Центральной Азии: дис... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2015.
105. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М., 2002.
106. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе, 1977.
107. Хачаров З.Д. Возмещение вреда жертвам терроризма в международном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. – 2010. – №16. – С.43–46.
108. Хачаров З.Д. Возмещение вреда жертвам терроризма: отечественный опыт // Российский следователь. – 2010. – №13. – С.14-17.
109. Хистенко В.Е. Психология поведения жертвы. – Ростов-на-Дону, 2004.
110. Чайка А.В. Терроризм как антикультурный феномен современности: автореф. дис. канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2015.
111. Шикла И.Р. Виктимологическая реабилитация жертв терроризма: постановка вопроса // Преступность, её виды и проблемы борьбы. – М., 2011. – С.165–171.
112. Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2016. – 46 с.

КАБАНОВ Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева
E-mail: kabanovp@mail.ru

Kabanov P. A.

VICTIMOLOGY TERRORISM: ISSUES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The necessity of forming a new private victimological theory – Victimology terrorism. The author describes the main structural elements of the private victimological theory reveals the contents of the main scientific categories Victimology Terrorism, offered the direction of scientific research and development of this scientific direction.

Keywords: *victim, victimology, victims of terrorism, victimology terrorism, terrorist victimization, Victimological prevention, rehabilitation Victimological, victimization factors.*

KABANOV Pavel A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the MOI of Russia, Professor of Criminal Law and the University of Kazan innovation process them. V.G. Timiryasova
E-mail: kabanovp@mail.ru

Гарипов И. М.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В статье исследуются основные виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан, предлагаются научные дефиниции «коррупционная виктимность», «коррупционная виктимизация», «виктимологические факторы криминального коррупционного поведения», «коррупционно-виктимогенная ситуация», которые могут стать теоретической основой терминологии будущих исследований в области виктимологии коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, виктимология коррупции, жертва коррупции, коррупционная виктимность, коррупционная виктимизация, факторы коррупции.

Современная федеральная, региональная и муниципальная правоприменительная практика противодействия коррупции свидетельствует о том, что довольно часто коррупционная деятельность в сфере социального управления является результатом взаимодействия (интеракции) коррупционного преступника и его непосредственной жертвы. В связи с этим возникает объективная потребность исследования не только особенностей личности коррупционного преступника, но и криминологический анализ данных, характеризующих жертву криминального коррупционного поведения, а также изучение процессов взаимодействия между ними, приводящих к криминальному коррупционному поведению в обществе.

В современной отечественной криминологии нет не только единого представления о виктимологических факторах криминального коррупционного поведения, но нет даже такой научной категории, которая бы раскрывала проблемы взаимодействия коррупционного преступника и его жертвы. В связи с этим нам придется обратиться к научным источникам, чтобы выяснить и предложить

собственную дефиницию «виктимологические факторы криминального коррупционного поведения» и выяснить влияние этих факторов на процесс формирования жертвы криминального коррупционного поведения.

Виктимологические факторы преступного поведения в обществе в современной отечественной криминологии именуют по-разному. Одни специалисты используют данное словосочетание вслед за одним из основателей современной отечественной криминальной (криминологической) виктимологии Л.В. Франком как совокупность обстоятельств, порождающих жертву преступления, способствующих её виктимизации [74, с.10]. Другие специалисты в более позднее время например, сибирский криминолог, профессор В.Я. Рыбальская, рассматривала виктимологические, а точнее – *виктимогенные факторы* с антропологических позиций, полагая, что таковыми являются различные социальные и социально-психологические свойства отдельных лиц или групп, реализованные в конкретном поведении, а также объективные ситуативные обстоятельства, которые непосредственно способствуют на-

ступлению виктимных последствий [62, с.182-183]. Третьи говорят о *виктимологических (виктимогенных* [8, с.110; 20, с.256; 23, с.96; 24, с.13; 42, с.185]) *детерминантах* [3] преступного поведения, под которыми понимают процессы, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии преступлением [27, с.49, 237], либо виктимогенной детерминации как системе охватывающей широкий круг явлений и процессов, в котором проявляются свойства, продуцирующие виктимное поведение и виктимную ситуацию [19, с.19]. В отдельных случаях используется словосочетание «детерминанты виктимизации» [38, с.176–179], под которым понимают явления, проявляющиеся в совокупности и взаимодействии социальных процессов экономического, организационно-управленческого, правового, идеологического, психологического, культурно-воспитательного характера, которые своими действиями порождают и воспроизводят существование криминальной виктимизации в реальных условиях жизни общества [37, с.11]. Четвертые выделяют виктимологические условия преступности, не раскрывая содержание вводимой ими дефиниции [52, с.119–121]. Пятые говорят о другой виктимологической категории – факторах, формирующих виктимность [76, с.73–74].

Некоторые современные отечественные специалисты под воздействием антропологического подхода к жертве преступного поведения под виктимологическими факторами понимают совокупность обстоятельств, связанных с личностью и поведением жертвы, формирующих её как таковую, способствующих её виктимизации в определенных условиях внешней среды [4, с.21; 16, с.14; 17, с.34; 18, с.37].

Все имеющиеся в отечественных науках определения виктимологических факторов имеют свои недостатки, в первую очередь, обусловленные антропологическим подходом к пониманию жертвы преступления. На наш взгляд, наиболее удачным из них является определение виктимологических факторов, предложенное А.А. Кулаковой, которая считает, что виктимологические факторы – это явления и процессы, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии преступлением и способствующие продуцированию преступного поведения.

Одни из них формируют личность с повышенной виктимностью, другие являются обстоятельствами, непосредственно предшествующими совершению преступления, или виктимологическими ситуациями [34, с.12].

Приведенные выше определения содержат в себе ряд важнейших виктимологических категорий, которые требуют их тщательного научного анализа. Несомненно, такими базовыми виктимологическими дефинициями являются «виктимность», «виктимизация» и «виктимологическая ситуация».

Термин «виктимность» в отечественную виктимологию ввел Л.В. Франк, который понимал под виктимностью реализованную преступным актом предрасположенность или способность лица стать жертвой преступления или неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима [73, с.22]. В более позднее время в связи с активизацией виктимологических исследований он уточнил свою позицию по данному вопросу, утверждая, что индивидуальная виктимность – это не только реализованная, но и потенциальная повышенная способность стать жертвой в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств [74, с.108]. По мнению М.В. Лелетовой, виктимность – это качество (способность и состояние) человека, определяемое его субъективными свойствами, актуализированными обстоятельствами ситуации [35, с.25-26]. В современной отечественной виктимологии специалисты выделяют несколько видов виктимности: индивидуальную, групповую, видовую, массовую и корпоративную [2, с.181–186; 65, с.21].

Можно было бы привести и ещё ряд определений виктимности, выработанных отечественными и зарубежными специалистами, но и указанного выше достаточно, чтобы понять его содержание. Виктимность – это научная категория, описывающая антропологическую или субъективную составляющую виктимологических факторов. Суть её заключается в потенциальной или реальной способности человека, социальных групп, общностей становиться жертвами преступного поведения. Вместе с тем, как мы уже ранее отмечали, жертвами преступного поведения в силу положений ст. 42 УПК РФ могут выступать не только фи-

зические, но и юридические лица. Следовательно, виктимность – есть объективная возможность или способность («предрасположенность») любого лица, в том числе и юридического, стать непосредственной или опосредованной жертвой преступления. В связи с этим можно предположить, что существует видовая **коррупционная виктимность** – *объективная возможность и/или способность («предрасположенность») физического и/или юридического лица стать непосредственной или опосредованной жертвой коррупционного поведения, в том числе и криминального, либо неспособность защитить себя от такого поведения* [14, с.21–23; 15, с.105]. Предложенная нами дефиниция нашла поддержку и развитие в работах других отечественных специалистов [41, с.218; 54, с.22].

Не менее важным, чем предыдущий термин, для виктимологии является другая дефиниция – «виктимизация». Под виктимизацией отечественными специалистами обычно подразумевается процесс становления жертвой преступления или злоупотребления властью, т.е. процесс реализации потенциальной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который по объективным причинам неразрывно связан с преступностью [20, с. 12–13; 21, с. 9,15; 33, с. 21; 36, с.54; 40, с. 5; 43, с. 11-21; 51, с.75; 59, с.184; 60, с.155; 61, с. 55; 64, с.97; 75, с.298]. Обращаясь к объекту нашего исследования, можно предположить, что может существовать и коррупционная виктимизация, под которой следует понимать процесс становления жертвой коррупционного преступления или правонарушения (деликта) – именно ими она и вызывается. Иначе говоря, **коррупционная виктимизация есть процесс реализации потенциальной коррупционной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который по объективным причинам неразрывно связан с криминальным (девиантным) коррупционным поведением.**

Ещё одной виктимологической категорией, без которой не обходится ни одно исследование жертв преступности, является виктимологическая или виктимогенная ситуация. Под виктимологической или виктимогенной ситуацией принято понимать сложившиеся по вине по-

терпевшего или независимо от него условия, благоприятствующие преступнику в его посягательстве на жертву, т.е. создающие опасность преступного причинения физическому и/или юридическому лицу имущественного или неимущественного вреда [20, с.14]. В нашем случае следует говорить о коррупциогенно-виктимологической ситуации, которая складывается таким образом, что способствует коррупционеру в причинении имущественного и/или неимущественного вреда жертве криминального коррупционного поведения.

Изложенное выше позволяет сформулировать собственное определение виктимологических факторов криминального коррупционного поведения. На наш взгляд, **виктимологическими факторами криминального коррупционного поведения следует признавать явления, процессы и состояния, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии коррупционным преступлением либо способствующие продуцированию криминального коррупционного поведения.**

Определившись с терминологией исследования виктимологических факторов криминального коррупционного поведения, необходимо перейти к поиску их важнейших структурных элементов.

Для детального анализа виктимологических факторов криминального коррупционного поведения необходимо обратиться к работам отечественных исследователей причин криминального коррупционного поведения, поскольку виктимогенные факторы преступности непосредственно связаны с его причинами, зачастую являются производными от них. Эти факторы определяются территориальными условиями деятельности системы социального управления, структурой органов государственного и муниципального управления, взаимоотношениями между чиновниками и различными слоями (группами) населения, криминогенной ситуацией, эффективностью борьбы с криминальным коррупционным поведением и существующей системой антикоррупционной профилактики, в том числе виктимологической.

В современной криминологической литературе по вопросам этиологии коррупции утверждается, что существуют целые группы причин (причинные ком-

плексы), которые порождают коррупционное поведение в обществе. К таковым обычно относят: а) социально-экономические; б) социально-политические; в) правовые; г) организационно-управленческие; д) идеологические; е) воспитательные; ж) нравственно-психологические и другие факторы [5, с. 59; 6, с. 20; 7, с. 80-83; 13, с. 76-79; 26, с. 38-44; 28, с. 23-27; 29, с.38-41; 30, с.40-43], которые классифицируются по сферам социальной жизни или сферам социального управления. Аналогичная классификация, но для виктимологических факторов, с некоторыми несущественными изменениями и дополнениями используется и в современных виктимологических исследованиях, только дополнительно группируемы на внешние (объективные) и внутренние (субъективные) виктимогенные факторы [24, с.13]. Поэтому неслучайно отечественные специалисты говорят о целостной системе виктимологических факторов как совокупности развивающихся взаимодействующих компонентов, обуславливающих наличие интегративных качеств, которая при взаимодействии с другими факторами причинно детерминирует (причиняет и обуславливает), с одной стороны, виктимность (во всех её формах), а с другой – совершение преступлений [17, с.73].

Безусловно, к числу наиболее криминогенных виктимологических факторов, порождающих криминальное коррупционное поведения, относятся социально-экономические факторы. В одних случаях они порождают массовую виктимность [70, с.130-133], в других – групповую, в третьих – индивидуальную, в четвертых – видовую. Массовая виктимность вызывается, как правило, массовой продажно-покупной (или корыстолюбивой) государственной и муниципальных служащих, а также служащих хозяйствующих субъектов и некоторыми иными обстоятельствами объективного характера. Массовая виктимность чаще всего проявляется в условиях дефицита предоставления определенного вида социальных услуг. Например, недостаточное количество мест в дошкольных учреждениях (детских садах, яслях) вынуждает родителей искать различные пути, в том числе и коррупционные, для размещения ребенка в этих учреждениях. Так, по официальным данным на 1 января 2011 г. в Республике

Татарстан очередность в детских садах составляла 25 тыс. [77] Аналогичная ситуация складывается и в других регионах России [72], а в целом по Российской Федерации, по некоторым данным, количество детей, ожидающих путевки в детские сады составило более 2,1 млн [56]. По данным социологических исследований, в связи с разрывом между количеством детей дошкольного возраста и количеством мест в дошкольных учреждениях, с 2005 по 2010 гг. вырос объем коррупционных услуг в этой сфере с 3 635 млрд руб. до 13 838 млрд руб. [66, с.25]. При реализации указанного коррупциогенно-виктимогенного фактора можно говорить о родителях малышей и их родственниках как вынужденной жертве криминального коррупционного поведения и формировании в обществе массовой коррупционной виктимности. Правоприменительная практика правоохранительных органов Республики Татарстан наглядное тому подтверждение. Так, 18 февраля 2011 г. сотрудниками подразделения УБЭП МВД по Республике Татарстан была задержана заведующая МАДОУ «Детский сад № 399 комбинированного вида» г. Казани М. при получении от родителей через пособника взятки в сумме 25 тыс. руб. за устройство ребенка в учреждение и привлечена к уголовной ответственности. В последующем она была признана судом виновной в получении взятки, осуждена по ч. 1 ст. 290 УК РФ и приговорена к 6 месяцам лишения свободы в колонии – поселении [68].

Отечественные специалисты к виктимологическим факторам относят радикальные изменения в экономической и социальной политике, диктуемые отношением новой для России рыночной экономикой [42, с.185]. Действительно, изменения в управлении социально-экономическими процессами потребовали привлечения в органы публичной власти различного уровня притока новых людских ресурсов с доминирующей мотивацией – максимального извлечения прибыли как для хозяйствующего субъекта, так и для себя лично. В условиях конкурентной рыночной экономики социальный успех стал оцениваться в обществе по объему получаемой прибыли, а престижность занимаемой должности – достатком её носителя.

Наиболее часто отечественные специалисты выделяют в качестве правовых виктимологических факторов криминального поведения правовой нигилизм жертв преступного поведения. Безусловно, это фактор проявляется и при детерминации криминального коррупционного поведения в форме злоупотребления должностным (служебным) положением, когда должностное лицо в ложно понятых интересах службы причиняет вред правам и законным интересам физических и юридических лиц. Примером такого коррупционно-виктимологического фактора может служить уголовное дело бывшего заместителя председателя Магаданского городского суда М., осужденного Верховным Судом Российской Федерации 23 июля 2002 г. по ст. 305 ч. 1 и 293 ч. 2 УК РФ, который в результате принятия незаконного судебного решения (постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу) незаконно лишил свободы гр-ку П. сроком на 2 года 5 месяцев и 26 дней, которая без уважительной причины не явилась в судебное заседание в качестве подсудимой, в результате чего потерпевшая утратила жилье и имущество на сумму 485 тыс. руб. [32]. Однако на территории Республики Татарстан аналогичных преступлений в исследуемый нами период правоохранительными органами зарегистрировано, учтено и расследовано не было.

Безусловно, в качестве правовых виктимологических факторов криминального коррупционного поведения выступает несовершенство действующего российского федерального и регионального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, их противоречивость и незавершенность. Именно несовершенство правового регулирования отдельных сфер социальной жизни позволяет чиновникам регулировать эти отношения по своему усмотрению и порождает потенциальную и реальную массовую коррупционную виктимность физических и юридических лиц.

Как показывает региональная правоприменительная практика, органами государственной власти и органами местного самоуправления Республики Татарстан принимаются организационно-правовые меры в этом направлении, связанные с реализацией федерального анти-

коррупционного законодательства [44; 45] и подзаконных нормативных правовых актов [46]. Приняты нормативные правовые акты, направленные на организацию и проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [47; 48]. Однако такая работа региональных органов государственной власти, направленная на совершенствование правового регулирования и снижение влияния коррупционных факторов, пока еще не приносит очевидных положительных результатов и нуждаются в совершенствовании.

К организационно-управленческим факторам криминального коррупционного поведения в системе социального управления можно отнести *нестабильность государственной (муниципальной) службы*, связанную с сокращением численности государственного аппарата. Обычно сокращение сотрудников связано с реорганизацией и реформированием органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые создают коррупциогенную нестабильность службы в этих органах. Об этом факторе с позиции причинного объяснения криминального коррупционного поведения уже давно пишут отечественные специалисты [63; 9, с.128; 10, с.105; 31, с.113; 71, с.77–80], но очевидно и то, что такая ситуация является ещё и постоянно действующим коррупциогенно-виктимогенным фактором. Именно в условиях реформирования органов государственной власти и органов местного самоуправления их служащие временно исполняют обязанности, функции взаимодействия с потребителями их услуг ослабевают или частично утрачиваются, появляются сложности с финансированием выполненных по государственному или муниципальному заказу работ (услуг) и фактически физические и юридические лица вынуждены взаимодействовать с этими органами. Эти лица в данной коррупционно-виктимологической ситуации становятся, с одной стороны, жертвами бюрократической волокиты, а с другой – потенциальными жертвами криминального коррупционного поведения. Здесь мы отмечаем повышенную коррупционную виктимность партнеров реформируемых органов государственной власти и/или органов местного самоуправле-

ния. Примером реализации такого коррупционно-виктимологического фактора может служить получившее широкую огласку в российских средствах массовой информации уголовное дело по обвинению заместителя руководителя Департамента финансово-экономического обеспечения Министерства труда России А. Голубенко. Этот государственный служащий в условиях реорганизации названного федерального министерства в марте 2004 г., находясь в кадровом резерве, но продолжая работать на занимаемой должности, получил взятку в размере пяти тысяч долларов США за содействие в выплате денежных средств строительной-монтажной фирме за фактически выполненные строительные работы [50]. При этом жертва вынуждена была заплатить указанную взятку, поскольку при ликвидации министерства оплата выполненных работ могла затянуться на длительное время, и издержки такой «нерасторопности» могли оказаться значительно выше.

Ещё одним организационно-управленческим и коррупционно-виктимогенным фактором криминального коррупционного поведения следует считать уже выявленный отечественными специалистами фактор, неэффективное государственное и корпоративное управление имеющимися материальными и финансовыми ресурсами [55, с.9], бесконтрольность за их учетом, хранением, транспортировкой и использованием, иногда именуемая «пассивной формой, провоцирующей преступное поведение» [58, с.44].

По исследованным нами уголовным делам о коррупционных преступлениях, связанных с причинением имущественного ущерба хозяйствующим субъектам и частным предпринимателям со стороны управленцев, этот фактор был отмечен в определениях суда или представлениях следователей в 64% случаев. Этот организационно-управленческий фактор криминального коррупционного поведения усугубляется дополнительно ещё двумя факторами: низкой профессиональной квалификацией должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления; лиц, управляющих материальными и финансовыми ресурсами, и их низкой трудовой дисциплиной. Эти «сопутствующие» криминальному коррупционному поведению

виктимологические факторы были диагностированы в 27%, направленных по уголовным делам о коррупционных преступлениях представлениях следователей и определений судов.

Пожалуй, самым очевидным организационно-управленческим коррупциогенно-виктимогенным фактором криминального коррупционного поведения является *низкая эффективность* (или неэффективность) *деятельности государственных правоохранительных и контролирующих органов и судов*. Эти органы и учреждения, призванные осуществлять эффективное государственное противодействие коррупции правовыми средствами [1, с.271; 22, с.6; 25, с. 11; 39, с.279; 49, с.41], в том числе и на региональном уровне, к сожалению, не всегда успешно справляются с возложенными на них задачами. При этом отмечается недостаточный уровень взаимодействия между государственными правоохранительными и контролирующими органами в области противодействия коррупции [57, с.40], что повышает потенциальную и реальную виктимность значительной доли населения и юридических лиц. На этот фактор обратили внимание 76% опрошенных нами специалистов в сфере противодействия коррупции. Хотя, по данным Р.Р. Газимзянова, сотрудники правоохранительных органов Республики Татарстан этот фактор признают в качестве коррупциогенного в 34,9% известных им случаях, связанных с совершением коррупционных преступлений при реализации федеральных национальных проектов [11, с.32].

По некоторым исследованиям в качестве идеологического фактора существования коррупционной преступности может выступать *несформированность правовой культуры у значительной части населения* этого субъекта Российской Федерации, привыкшего решать возникающие проблемы с органами социального управления с помощью коррупции, что, несомненно, влияет на массовую виктимность населения и её терпимость к криминальному коррупционному поведению. Проведенный нами опрос населения Республики Татарстан летом 2011 г. показал, что 42,2% готовы с помощью взятки решить вопрос в органах государственной власти и органах местного самоуправления при реализации и защите

своих законных социальных и имущественных прав при попадании ими в коррупциогенную ситуацию. Тогда как по данным других исследований, проводившихся в это же время на территории России, готовность в коррупциогенной ситуации гражданами Российской Федерации передать взятку составляет около 47% [66, с.9].

К социально-психологическим факторам криминального коррупционного поведения в органах социального управления следует отнести такой фактор, как *сомнительная правовая природа* огромных *доходов* отдельных юридических и физических лиц, в том числе и своего руководства. Государственный или муниципальный служащий, понимая такое положение, считает возможным, а порой и даже необходимым для себя получить часть подобных доходов. Этот фактор усиливается другим социально-психологическим фактором – *наличием аргументов самооправдания* при оценке поведения потенциальной жертвы криминального коррупционного поведения. В результате проведенного нами социологического опроса государственных и муниципальных служащих Республики Татарстан выяснилось, что эта причина в 45% случаев способствует коррупционному поведению при злоупотреблениях служебным положением, совершении хищений чужого имущества с использованием служебного положения и других коррупционных преступлений.

На наш взгляд, самым сложным и трудноразрешимым в ближайшей перспективе коррупциогенно-виктимогенным фактором, формирующим массовую виктимность, будет являться отсутствие единой системы мотивации сотрудников управленческих структур, которая бы приносила выгоду от коррупционных преступлений и правонарушений несопоставимо малыми по сравнению с получаемыми от государства или органа местного самоуправления благами за добросовестное исполнение служебных обязанностей (в денежной и не денежной форме) в долгосрочной и краткосрочной перспективе.

Безусловно, взаимосвязь различных по своей природе виктимологических факторов криминального коррупционного поведения происходит на фоне определенной виктимогенной ситуации, пред-

шествующей или способствующей (обуславливающей) совершению коррупционного преступления в определенном месте и в определенное время, которую можно условно именовать коррупциогенно-виктимогенной или виктимогенно-коррупционной ситуацией. В современной жизни существует множество виктимогенно-коррупциогенных ситуаций, полностью описать и объяснить которые практически невозможно, возможно лишь научное описание и объяснение типичных, повторяющихся ситуаций. Поэтому мы и переходим к их рассмотрению и описанию.

В число наиболее распространенных виктимогенно-коррупционных ситуаций входят ситуации, которые не провоцируются жертвой, но тем не менее способствуют возникновению у коррупционного преступника умысла на совершение преступления. Такими ситуациями, провоцирующими совершение хищения чужого имущества с использованием служебного положения (коррупционных хищений – термин позаимствован у Р.Р. Газимзянова [12, с.18–19] – *примечание автора – И.Г.*), могут являться случаи небрежного хранения товарно-материальных ценностей юридических лиц, обеспечения учета и надлежащей сохранности вверенного корпоративного или государственного (муниципального) имущества, отсутствия эффективного контроля за деятельностью материально ответственных лиц. Подобные ситуации способствуют и другим коррупционным преступлениям, связанным с управлением имуществом, финансами и иными материальными ресурсами при совершении их должностными лицами органов государственной власти, органов местного самоуправления или руководителями хозяйствующих субъектов. По исследованным нами уголовным делам о совершаемых коррупционных преступлениях, предусмотренных ст. ст. 201, 204 и 285, 286 УК РФ, и преступлениях против собственности в 92% представлениях следователей и определениях судов, вынесенных в адрес собственника или лица, наделенных функциями управления имуществом или иными ресурсами, указывались именно эти виктимолого-коррупционные ситуации или виктимологические факторы, способствующие совершению коррупционных преступлений. Наиболее

ярким примером действия такого коррупционно-виктимогенного фактора в России является уголовное дело по факту уничтожения взлетных полос военного аэродрома в Климовском районе Брянской области, возбужденное по материалам проверки, проведенной Генеральной прокуратурой Российской Федерации по ч. 4 ст. 160 и ч. 5 ст. 290 УК РФ. По материалам проверки выяснилось, что в связи с реформированием российской армии военный аэродром оказался без надлежащей охраны и вне контроля со стороны Министерства обороны России. Воспользовавшись этой ситуацией, чиновник военного ведомства А. Усок за взятку в размере одного миллиона рублей разрешил коммерческим организациям демонтировать с аэродрома плиты повышенной прочности и использовать по своему усмотрению, в результате чего собственнику был причинен материальный ущерб на сумму около 48 млн руб. [69].

В зависимости от отношений между преступником и жертвой можно выделить несколько разновидностей коррупционно-виктимогенных ситуаций. Одна из самых распространенных виктимогенных ситуаций, удобных для коррупционного преступника, характеризуется наличием возможности у него предварительно обдумать и подготовить свои действия, изучив особенности предполагаемой жертвы. Примером такой ситуации может служить криминальное организованное коррупционное поведение, связанное с так называемым «рейдерством», т.е. захватом чужого недвижимого имущества (имущественных комплексов) с использованием служебного положения, когда совершению преступления предшествует длительный подготовительный период, связанный с поиском наиболее незащищенных сторон деятельности. Примером такого рода коррупционного преступления может служить уголовное дело сотрудника ГУВД по Краснодарскому краю А. Ходыча по обвинению в мошенническом хищении с использованием служебного положения 51% акций сельхозпредприятия [53]. Согласно официальным статистическим данным, на территории Республики Татарстан в исследуемый нами период подобных преступлений судами рассмотрено не было.

Вторым видом коррупционно-виктимологических ситуаций можно назвать провоцирующе-подстрекающие ситуации, характеризующиеся особыми взаимоотношениями жертвы коррупционного поведения и коррупционного преступника, при которых поведение жертвы откровенно провоцирующее. Здесь обращает на себя внимание группа коррупционных преступлений в учреждениях высшего профессионального образования, когда студенты этих учреждений при недобросовестном обучении и низкой текущей успеваемости с целью успешного прохождения аттестации подстрекают профессорско-преподавательский состав к получению незаконного вознаграждения за её успешное прохождение. В таких ситуациях можно говорить об активных косвенных формах провоцирования жертвой своими отрицательными действиями криминального коррупционного поведения со стороны профессорско-преподавательского состава. Виктимная пассивность жертвы в процессе обучения и повышенная коррупционная активность по мере приближения промежуточной и (или) итоговой аттестации позволяют коррупционным преступникам находить основания для оправдания своего поведения. Так, 17 из 21 опрошенных нами осужденных за совершение коррупционных преступлений преподавателей вузов Республики Татарстан летом 2011 г., сообщили, что наравне с корыстной мотивацией их поведением двигал мотив «материального» наказания нерадивых студентов за пренебрежительное отношение к учебе в вузе. Более того, трое из них высказались о том, что мотив «материального» наказания за низкие показатели в учебе являлся для них приоритетным и рассматривался как мера воспитательного воздействия как недобросовестным студентам, а уже потом как источник пополнения личного или семейного бюджета.

Безусловно, на воспроизводство криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан влияет и множество других коррупционно-виктимологических факторов и коррупционно-виктимогенных ситуаций, значительная доля которых находится за пределами данного исследования. Поэтому их поиск, обнаружение, фиксация, описание и объяснение является перспективным направле-

нием в исследовании виктимологических аспектов криминального коррупционного поведения на долгосрочную перспективу.

Проведенное нами криминологическое исследование коррупционно-виктимологических факторов и коррупционно-виктимогенных ситуаций в Республике Татарстан позволяет нам сделать некоторые выводы.

Во-первых, криминальное коррупционное поведение в значительной доле формируется и определяется множеством виктимологических факторов и множеством виктимогенных ситуаций, которые формируют массовую, групповую, корпоративную и индивидуальную коррупционную виктимность в Республике Татарстан.

Во-вторых, основными элементами системы виктимологической детерминации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан выступают:

• **коррупционная виктимность** – объективная возможность и/или способность («предрасположенность») физиче-

ского и/или юридического лица стать непосредственной или опосредованной жертвой коррупционного поведения, в том числе и криминального;

• **коррупционная виктимизация** есть процесс реализации потенциальной коррупционной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который по объективным причинам неразрывно связан с криминальным (девиантным) коррупционным поведением;

• **виктимологические факторы криминального коррупционного поведения** – это явления, процессы и состояния, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии коррупционным преступлением либо способствующие продуцированию криминального коррупционного поведения;

• **коррупционно-виктимогенная ситуация** – это ситуация, предшествующая или способствующая (обуславливающая) поведение или состояние жертвы при совершении коррупционного преступления в определенном месте и в определенное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Palmer L. The control of bureaucratize corruption. – Now-Delhi, 1987.
2. Ахмедшина Н.В. Виктимность как основное виктимологическое понятие // Актуальные проблемы развития российского законодательства. – Томск, 2005. – С. 181–186.
3. Баймурзин М.С. Виктимологические детерминанты криминогенного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 2000.
4. Бессонов В. А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – 24 с.
5. Босхолов С.С. Борьба с коррупцией: мифы и реальность, надежды и перспективы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 2.
6. Боталова Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях современной трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2011.
7. Ванюшин В.А. Основные факторы коррупции // Социология коррупции: мат-лы науч.-практ. конф., 20 марта 2003 г. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 80–83.
8. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева. – М., 2009.
9. Ведерникова О.Н. Основные направления борьбы с коррупцией // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000.
10. Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
11. Газимзянов Р.Р. Коррупционные проявления при реализации национальных проектов в Республике Татарстан и меры противодействия им: анализ экспертных оценок // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4 (20).
12. Газимзянов Р.Р. Образ коррупционеров-расхитителей в материалах уголовных дел, рассмотренных судами на территории Республики Татарстан (результаты криминологического исследования) // Следователь. – 2009. – № 2. – С. 18–19.
13. Газимзянов Р.Р. Основные социально-экономические факторы коррупционного поведения в Республике Татарстан // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. – С. 76–79.

14. Гарипов И.М. Виктимологические факторы криминального коррупционного поведения как научная категория // Следователь. – 2011. – №10. – С.21-23.
15. Гарипов И.М. Виктимологические аспекты противодействия криминальному коррупционному поведению в Республике Татарстан / под науч. ред. П.А. Кабанова. – Казань, 2013. – 192 с.
16. Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
17. Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: учеб. пособие. – Н. Новгород, 2005.
18. Глухова А.А., Изосимов С.В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учеб. пособие. – Н. Новгород, 2010. – С. 37.
19. Горшенков А.Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
20. Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. – Н. Новгород, 2007.
21. Гусева О.Н. Педофильная виктимизация и виктимологическая профилактика педофильных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
22. Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию коррупции / под общ. ред. А.В. Кудашкина. – М.: Юрлитинформ, 2011.
23. Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты. – М.: Академия управления МВД России, 2005.
24. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006.
25. Звягинцев А.Г. Власть и коррупция в современной России // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры предупреждения, международное сотрудничество: сб. статей / под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. – Н. Новгород, 2001.
26. Зеленев М.Ф. Организационно-правовые факторы, способствующие проявлению коррупции в системе исполнительной власти // Административное право и процесс. – 2012. – № 3. – С. 38–44.
27. Ившин В.Г., Идрисова С.Ф., Татьяна Л.Г. Виктимология: учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
28. Иншаков С.М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 4. – С. 23–27.
29. Кабанов П.А. Организационно-управленческие факторы, детерминирующие политическую коррупцию в современном российском обществе // Следователь. – 2005. – № 3. – С. 38–41.
30. Кабанов П.А. Основные правовые факторы, детерминирующие политическую коррупцию в российском обществе // Следователь. – 2002. – № 9. – С. 40–43.
31. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. – М.: Дружба народов, 2008.
32. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611 // Документ официально опубликован не был и находится в архиве автора.
33. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты потерпевших от преступлений. – М., 1999.
34. Кулакова А.А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и её предупреждения (в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.
35. Лелетова М.В. Анализ понятий криминологии и виктимологии методом инверсии: лекция. – Кстово, 2004.
36. Лелетова М.В. Анализ понятийного аппарата виктимологии // Противодействие преступности: сб. науч. тр. / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск, 2005. – Вып.5.
37. Лелетова М.В. Предупреждение криминальной виктимизации субъектов малого предпринимательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
38. Лихачева О.В. Детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // Уголовное право на рубеже тысячелетий: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (21 ноября 2007 г.). – Тюмень: Изд-во Тюменского юридического института МВД России, 2008. – С. 176–179.

39. Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997.
40. Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. – М.: Юрист, 1995.
41. Манолова О.Н. Развитие антикоррупционной устойчивости личности в системе госзакупок // Государственные и муниципальные закупки – 2010. Сборник докладов V Всероссийской практ. конф.-семинара. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011.
42. Невский Н.Н. Влияние виктимогенной обстановки на виктимизацию // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1(6).
43. Невский Н.Н. Антология виктимизации // Вестник криминологической ассоциации (Н. Новгород). – 2002. – № 1. – С. 11–21;
44. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.
45. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. – 2009. – 22 июля.
46. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. – 2010. – 5 марта.
47. Об утверждении Порядка представления нормативных правовых актов Республики Татарстан и их проектов на антикоррупционную экспертизу в Кабинет Министров Республики Татарстан: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 20 сентября 2007 г. № 474 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2007. – № 39. – Ст. 1488.
48. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и их проектов и о внесении изменений в отдельные Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 декабря 2009 г. № 883 // Республика Татарстан. – 2009. – 29 декабря.
49. Овчинский В.С. XXI век против мафии – М., 2001. – С. 41;
50. Огилько И. Взял на последок // Российская газета. – 2004. – 17 апр.
51. Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. – 1975. – № 9.
52. Павленко О.В. Виктимологические условия преступности // Проблемы права. – 2007. – № 2. – С. 119–121.
53. Павловская Т. Рейдер в погонах. В деле куцевского милиционера Ходыча появился след Цапков // Российская газета. – 2012. – 3 февраля.
54. Печенкин В.А. Формирование антикоррупционной компетентности государственных служащих: автореф. ... дис. канд. психол. наук. – М., 2012.
55. Поздеева Е.А. Механизм противодействия коррупции в системе управления и криминализации в сфере предпринимательства: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – СПб., 2010.
56. Потапова П. 2 миллиона малышей не попадут в детсад // Труд. – 2011. – 6 июля.
57. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сборник методических материалов / под ред. А.Э. Буксмана. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011.
58. Радачинский С.Н. Провокация преступлений как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2011. –
59. Ривман Д.В. Механизм индивидуального преступления // Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб., 2005. – С. 184;
60. Ривман Д.В. Механизм индивидуального преступления // Криминология: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб., 1998.
61. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – Н. Новгород, 1998.
62. Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности. – Иркутск, 1983. – С. 182–183.
63. Сатаров Г.А., Левин М.И., Цирик М.Л. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. – 1998. – 19 февраля.
64. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. – Казань-Елабуга, 1998.

65. Сирик М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2006.

66. Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации (на основании результатов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г.). – М.: Министерство экономического развития РФ; Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2011.

67. Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации (на основании результатов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г.). – М.: Министерство экономического развития РФ; Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2011.

68. Уголовное дело № 917411 по обвинению М. по ч. 1 ст. 290 УК РФ // Архив Управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан. – 2011.

69. Федосов А. Растваңли по плитам. Возбуждено уголовное дело по факту кражи аэродрома // Российская газета. – 2012. – 13 февраля.

70. Фещенко П.Н. Массовая виктимность как аспект социальной напряженности и коррупции в обществе // Право и практика. Научные труды Кировского института МГЮА им. О.Е. Кутафина. – 2010. – № 7. – С. 130–133.

71. Фещенко П.Н. Место и роль коррупции в генезисе социальной напряженности. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2011.

72. Фомина Т. Очередь на вырост. Мест в детских садах не хватает 30 тысячам маленьких кусбассовцев // Российская газета – Кузбасс. – 2008. – 24 октября.

73. Франк Л.В. Виктимология и виктимность (об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью): учеб. пособие для студентов юридических факультетов. – Душанбе, 1972.

74. Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. – Душанбе, 1977. – С. 108.

75. Хистенко В.Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д, 2004.

76. Хольст Б. Факторы, формирующие виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. – 1984. – Вып.41. – С. 73–77.

77. Электронная очередь в детсад проста и «прозрачна» (редакционный материал) // Республика Татарстан. – 2011. – 7 июля.

ГАРИПОВ Ильдар Мансурович, старший научный сотрудник научно-исследовательского института противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, заслуженный юрист Республики Татарстан
E-mail: konkur@mail.ru

Garipov I. M.

VICTIM FACTORS AND VICTIMIZATION SITUATION CRIMINAL CORRUPT CONDUCT IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The article examines the main victimization factors and victimization situation criminal corrupt conduct in the Republic of Tatarstan, available scientific definition of «corruption victimization», «corruption victimization» «victimization factors of criminal corrupt conduct ;' corrupt-victimogenic situation» that could become a theoretical the basis of terms of future research in the field of victimology corruption.

Keywords: *corruption, anti-corruption, corruption victimology, victims of corruption, corruption victimization, corruption victimization, corruption factors.*

GARIPOV Ildar Mansurovich, Senior Researcher of the Research Institute of counteracting corruption of Kazan innovative university named after V.G. Timiryasov, Merited Lawyer of the Republic of Tatarstan
E-mail: konkur@mail.ru

Гарманов В. М.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО- ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ВИКТИМНОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ И УТРАТИВШИХ СПОСОБНОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО ПЕРЕДВИГАТЬСЯ ИЛИ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКЕ

В статье рассматриваются вопросы предупреждения сотрудниками патрульно-постовой службы полиции виктимности лиц, находящихся в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке. Данная статья подготовлена в целях поиска практических направлений применения результатов виктимологических исследований в данной области. Рассматриваются отдельные практические вопросы деятельности полиции при работе с указанной категорией граждан, проблемные вопросы взаимодействия полиции и медицинских работников при работе с данными лицами.

Ключевые слова: *виктимность, предупреждение виктимности, лица, находящиеся в состоянии опьянения, взаимодействие полиции и медицинских работников, профессиональная подготовка сотрудников полиции*

На сегодняшний день в связи с упразднением медицинских вытрезвителей в ходе реформирования системы МВД России очень остро стоит проблема оказания соответствующей помощи лицам, находящимся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, и задача предупреждения виктимности данной категории лиц. Поскольку виктимность в специальной

литературе связывается с «уязвимостью» (подверженностью) как потенциальной опасностью стать жертвой преступления [1, С.51], зависящей, в том числе от «объективных предрасположений» [2, С.46], предметом исследования должны быть узловые практические проблемы обеспечения виктимологической безопасности граждан в повседневной деятельности полиции. Не является исключением и названная проблематика.

Рассмотрим данные вопросы на примере деятельности сотрудников патруль-

но-постовой службы полиции, выполняющих обязанности по охране общественно-го порядка и непосредственно реагирующих на соответствующее происшествие, связанное с нахождением указанной категории лиц в общественных местах.

Обязанность реагирования на данное происшествие предусмотрена в ряде нормативных правовых актов. Особое значение для понимания содержания рассматриваемой функции полиции имеют положения об обязанности оказания первой помощи указанной категории лиц. В п. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляется обязанность об оказании первой помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует. Кроме того, в п. 1 ч. 2 ст. 27 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» указано, что сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан оказывать первую помощь гражданам <...>, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья [3].

В соответствии с положениями приложения № 1 к приказу Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н (ред. от 07 ноября 2012 г.) «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» перечислены состояния, при которых оказывается первая помощь, среди которых названы в том числе:

- 1) отсутствие сознания;
- 2) остановка дыхания и кровообращения;
- 3) отморожение и другие эффекты воздействия низких температур;
- 4) отравления [4].

Сотрудники полиции должны принимать меры к тому, чтобы осуществить мероприятия по оказанию первой помощи в соответствии с приложением № 2 к данному приказу (тем более это требуется после получения информации о невозможности прибытия скорой помощи или предполагаемом длительном ожидании скорой помощи).

Среди основных нормативных документов можно также назвать положения п. 9 ч. 2 ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5], где указывается **одна из форм профилактики правонарушений – применение органами внутренних дел в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер профилактики правонарушений административного характера в целях предупреждения правонарушений**. Мы полагаем, что подобная работа ориентирована на предупреждение преступлений или административных правонарушений путем применения полицией такой специальной меры административного характера, как обеспечения принудительного доставления указанной категории лиц в медицинские организации, обеспечения привлечения к административной ответственности лиц, в действиях которых имеются признаки административных правонарушений.

Таким образом, указанная функция по работе полиции с рассматриваемой категорией лиц не является «несвойственной функцией полиции». Подобное направление работы с данной категорией лиц имеет свои исторические корни. Интересно, что для полицейских в России в 1901 году в г. Санкт-Петербурге была издана небольшая брошюра «Основы полицейской службы», где на конкретных примерах доступно разъяснялся смысл полицейской службы, ее роль в предупреждении вреда, указывалось, что полиция является на помощь «везде, где недостаточны силы одного человека и близких ему людей или общества» [6, С.5]. В то время, как и сегодня, подчеркивалось значение полиции и ее направленность на служение человеку и обществу, отмечалась роль полицейских возможностей, вытекающих из организации и специфики данной службы для предупреждения различных негативных последствий и общественного вреда.

Так, в 1897 году в «Очерке науки полицейского права» при описании характера полицейской деятельности указывалось, что «сущность полицейской задачи заключается в том, что полицейские органы должны заниматься отвращением

опасностей, грозящих личности, обществу и государству» [7, С. 18]. К числу мер относительно пьяниц независимо от назначения полиции относили личное задержание пьяницы полицией до их вытрезвления, и подчеркивалось, что «чины наружной полиции снабжаются обыкновенно необходимыми медицинскими средствами для приведения в чувство задержанных» [7, С. 194]. В 1883 году в § 24 Инструкции городовой Московской полиции говорилось следующее: «Пьяных, которые идут шатаясь и падая, но не потеряли еще совершенно сознания, отправлять на квартиры, если таковые известны и находятся неподалеку <...> Если квартиры пьяных неизвестны или слишком отдалены и вообще, если пьяные находятся в бесчувственном состоянии – следует отправлять их в полицейский дом» [8, С.16-17].

Виктимность указанной категории лиц традиционно связывается с их возможностью стать жертвой посягательства со стороны других лиц (например, возможностью стать жертвой кражи или грабежа, насильственных действий и др.). В 1966 году в первом учебнике по криминологии, изданном в СССР подчеркивалось, что «большое значение в деятельности наружной службы занимает борьба с пьянством, ибо, с одной стороны, пьяные сами часто совершают преступления, а с другой – становятся жертвами преступлений. Доставка в вытрезвители лиц, находящихся в нетрезвом состоянии на улицах городов и поселков, производимое работниками наружной службы, также имеет отношение к предупреждению преступлений, осуществляемому милицией» [9, С. 137].

Это один из аспектов предупреждения виктимности данной категории лиц, между тем мы исходим из того, что выполнение сотрудниками полиции и медицинскими работниками функций при оказании помощи указанным лицам и грамотно выстроенная система взаимодействия между ними также является средством предупреждения виктимизации лиц, находящихся в этом состоянии. Это связано с тем, что виктимизация данных лиц может быть обусловлена неисполнением или ненадлежащим исполнением сотрудниками полиции своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе

либо обязанностей по должности (признаки ст. 293 УК РФ), либо несовершенством в системе организации оказания специализированной медицинской и социальной помощи рассматриваемой категории лиц, проблемами в области межведомственного взаимодействия полиции и медицинских работников.

Сегодня востребованы специальные теоретические и прикладные исследования в области предупредительной деятельности полиции, в частности, в области виктимологической профилактики, осуществляемой полицией.

Полагаем, что изучение данной проблематики с этой точки зрения позволяет затронуть вопросы нравственно-этических основ полицейской деятельности, анализировать и выработать способы предупреждения ошибочных действий сотрудников полиции и медицинских работников, которые могут привести к ухудшению состояния здоровья или даже к смерти лиц, находящихся в состоянии опьянения, о чем свидетельствует ряд практических примеров.

Исследование данного вопроса позволяет сегодня в процессе обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции использовать специальные учебные ситуации, на примере которых должна отрабатываться четкая последовательность действий в процессе реагирования на происшествия, связанные с нахождением лиц в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, вопросы взаимодействия между полицией и медицинскими организациями. В этом состоит практическая ценность исследований в области виктимологии и полицейского предупреждения преступлений и правонарушений.

Обязанность реагирования полиции на такие происшествия основана на положениях Приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Так, в соответствии с положениями

пп. 2.1.3, 2.2.3 данного приказа, «прием, регистрация и разрешение сообщений о происшествиях связывается с событиями, угрожающими личной безопасности, в том числе с несчастными случаями <...> в отношении которых требуется проведение проверочных действий с целью обнаружения возможных признаков преступления или административного правонарушения» [10]. Анализ этого документа показывает, что более правильно в этой части говорить о проведении проверочных действий не только с целью обнаружения возможных признаков преступления или административного правонарушения, но и с целью предотвращения опасности, угрожающей безопасности лица.

В то же время, ряд чрезвычайных происшествий, связанных со смертями лиц, находящихся в указанном состоянии может быть связан с неправильными действиями сотрудников полиции, когда нарушаются требования п. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в части обязанности полиции оказывать первую помощь лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует [3] или приказа МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298 «Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации» (далее — приказ МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298) [11].

Ниже проанализирован ряд практических проблем, которые формулируются в процессе проведения учебных занятий при обучении по дополнительным профессиональным программам сотрудников дежурных частей и сотрудников патрульно-постовой службы, а также сотрудников патрульно-постовой службы полиции, обучающихся по образовательной программе профессионального обучения лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел

(на базе общего среднего и (или) среднего профессионального (неюридического) образования) по должности служащего «Полицейский».

Сотрудники дежурных частей или групп управления нарядами должны обеспечивать правильное реагирование на информацию о происшествии по факту об обнаружении указанной категории лиц и обеспечивать четкое взаимодействие со станциями скорой помощи, ориентируя их относительно места обнаружения такого лица, обеспечивая нахождение наряда полиции на месте происшествия до прибытия бригады скорой помощи. Подчеркнем важность безусловного выполнения сотрудниками патрульно-постовой службы полиции требований приказа МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298 в части действий сотрудников полиции при обнаружении этой категории лиц.

Так, в п. 5 Инструкции, утвержденной данным приказом, говорится о том, что «сотрудники полиции при обнаружении лиц, находящихся в состоянии опьянения, в том числе несовершеннолетних, при необходимости оказывают им первую помощь, организуют незамедлительный вызов на место выездной бригады скорой медицинской помощи, о чем докладывают в дежурную часть территориального органа МВД России, и действуют в соответствии с указаниями дежурного, а также обеспечивают сохранность имущества лиц, находящихся в состоянии опьянения» [11]. В случае обнаружения такого лица, сотрудники патрульно-постовой службы полиции должны оставаться на месте его обнаружения, так как бригада скорой медицинской помощи может не найти местоположение гражданина, он может переместиться сам, либо его могут переместить с места обнаружения иные граждане. То есть необходимо обеспечить соответствующую оценку медицинскими работниками состояния такого лица и его непосредственную передачу сотрудникам полиции медицинским работникам для решения вопроса о госпитализации и оказании медицинской помощи.

Задача предупреждения виктимизации потерпевших заключается и в том, что следует исключать ситуации необоснованного доставления граждан в медицинские организации и случаи ошибочной оценки сотрудниками полиции состо-

яния таких лиц как находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, ориентируясь на правильную юридическую оценку действий лица, находящегося в состоянии опьянения и важность знания клинических показаний для транспортировки в медицинские учреждения пациентов в алкогольном опьянении и признаков, отличающих состояние опьянения от иных схожих состояний человека, вызванных повреждениями или заболеваниями. Нужно понимать, что неточная оценка состояния такого лица может привести к потере времени, столь необходимого для оказания помощи гражданину, находящемуся в болезненном состоянии (например, в состоянии диабетической комы, теплового удара, после инсульта, черепно-мозговой травмы, при коллапсе и др.)

Мы считаем, что в процессе организации совместной работы органов внутренних дел и медицинских учреждений по реализации положений приказа МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298 и различных совместных приказов и соглашений на региональном уровне следует использовать практику привлечения медицинских работников к проведению занятий с сотрудниками полиции по разъяснению медицинских признаков и последствий нахождения в таком состоянии, клинических показаний для транспортировки в медицинские учреждения пациентов в алкогольном опьянении, отличию состояний опьянения от иных состояний организма человека, приемам оказания первой помощи таким лицам. Эта работа необходима, так как позволит улучшить качество практической подготовки сотрудников полиции, обеспечить взаимодействие между полицией и медицинскими работниками в повседневной деятельности.

Отдельно следует сказать о сложной ситуации, возникающей в связи с отказом гражданина от оказания ему помощи после доставления в медицинскую организацию. Оказание медицинской помощи гражданам связано с тем, что согласно ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» должно быть получено информированное добровольное согла-

шение гражданина на медицинское вмешательство. При этом согласно подп. 1 п. 9 ст. 20 данного закона, медицинское вмешательство без согласия гражданина допускается если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю, а в подп. 4 говорится о такой категории лиц, как совершивших общественно опасные деяния (преступления) [12].

Задача специализированных медицинских организаций, в которые в ряде регионов Российской Федерации направляются лица, находящиеся в состоянии опьянения, связана с оказанием им медицинской помощи, однако указанной категории лиц такая помощь не оказывается, если они при поступлении в медицинское учреждение не находятся в состоянии, угрожающем жизни и здоровью и отказываются от госпитализации или медицинского вмешательства.

Мы полагаем, что, выступая субъектом профилактики правонарушений, сотрудники полиции, а также медицинские работники должны объяснять гражданину необходимость госпитализации при наличии определенных состояний (сотрудники полиции – в процессе доставления в такие медицинские организации и при передаче медперсоналу, последние – во время нахождения таких лиц в медицинском учреждении). Роль сотрудников полиции в таких ситуациях состоит в том, что они, выполняя функцию предупреждения преступлений и правонарушений, могут:

- 1) обеспечить нахождение такого гражданина под медицинским наблюдением;
- 2) предупредить ухудшение состояния здоровья такого лица.
- 3) исключить возможность совершения в отношении такого гражданина преступления или правонарушения при его нахождении в районе медицинской организации после отказа в госпитализации (когда он отпускается из медицинской организации и находится за ее пределами);
- 4) принять меры к установлению родственников или близких такого лица.

Выполнение таких действия сотрудниками полиции очень важно, поскольку, как показывает анализ отдельных

практических материалов и опроса сотрудников полиции, если родственники, близкие или знакомые такого лица отвозят его домой, это исключает нахождение такого лица в общественных местах, повторное совершение им административного правонарушения, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ, дополнительное употребление в общественных местах алкогольной продукции, а также минимизирует вероятность совершения им преступления или возможность стать жертвой преступления вблизи места расположения медицинской организации.

Следует понимать, что общий порядок доставления указанной категории лиц состоит в том, что сотрудники полиции вызывают бригаду скорой помощи и, дожидаясь ее прибытия, оказывают первую помощь такому лицу. Одним из сложных вопросов является невозможность быстрого прибытия бригад скорой помощи, в том числе вследствие большой территориальной протяженности между населенными пунктами или труднодоступности места обнаружения лица, утратившего способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке вследствие состояния опьянения.

В п. 6 правил организации деятельности выездной бригады скорой медицинской помощи, утвержденных в приложении № 2 к Порядку оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, утвержденному приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 388н (в ред. от 05 мая 2016 г.) «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» указано, что «время доезда до пациента выездной бригады скорой медицинской помощи при оказании скорой медицинской помощи в экстренной форме не должно превышать 20 минут с момента ее вызова. В территориальных программах время доезда бригад скорой медицинской помощи может быть обоснованно скорректировано с учетом транспортной доступности, плотности населения, а также климатических и географических особенностей регионов в соответствии с Программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» [13].

Таким образом, после вызова бригады скорой медицинской помощи по факту обнаружения рассматриваемой категории лиц сотрудниками полиции, обнаружившими их, либо сотрудниками дежурных частей или групп управления нарядами, сотрудникам полиции необходимо ориентироваться на указанные временные рамки прибытия бригады скорой медицинской помощи, принимая в соответствии с положениями п. 5 приказа МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298 меры по оказанию первой помощи, либо в соответствии с п. 6 данного приказа, обеспечивая доставление лиц, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские организации на служебном автотранспорте при отсутствии возможности прибытия выездной бригады скорой медицинской помощи [11].

В соответствии с этим приказом, данные медицинские организации, в которые осуществляется доставление лиц, находящихся в состоянии опьянения, определяются территориальными органами исполнительной власти в сфере здравоохранения, следовательно, необходимо знать о наличии таких организаций на территории функционирования территориального органа внутренних дел. Также следует учитывать, что возможность временного оставления маршрута (поста) при несении патрульно-постовой службы полиции определена п. 78.4 Устава патрульно-постовой службы полиции (для оказания помощи лицам, находящимся на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах в беспомощном или опасном для их жизни и здоровья состоянии), а в п. 154 Устава патрульно-постовой службы полиции указано, что «патрульные автомобили и мотоциклы предназначаются <...> в случаях отсутствия специального транспорта – для доставления в медицинские учреждения граждан, оказавшихся в беспомощном состоянии, а также лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке» [14].

Анализ ряда практических примеров показывает, что встречаются случаи отказов со стороны медицинских работников в госпитализации указанного лица на месте его обнаружения или при его доставлении в медицинские организа-

ции. Однако, нельзя исключать последующее ухудшение состояния лица в связи с условиями, при которых происходит работа наряда полиции на месте происшествия, учитывая оценку сотрудниками полиции состояния лица, находящегося в состоянии опьянения и утратившего способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке (например, тяжесть состояния, наличие фактов продолжения употребления алкоголя таким лицом на месте происшествия и еще большее опьянение и др.).

Для установления обстоятельств, свидетельствующих о характере состояния такого лица нужно обращать внимание на:

- данные об условиях нахождения такого лица (характер местности, температура воздуха или погодные условия, наличие/отсутствие одежды и др.);

- длительность нахождения в таком состоянии (например, на основе данных опроса очевидцев или давности получения сообщения о происшествии по факту обнаружения в общественных местах такого лица);

- характер поведения и внешних реакций такого лица при оказании сотрудниками полиции первой помощи;

- характерные признаки и состояния организма человека, угрожающие его жизни и здоровью (потеря сознания, остановка дыхания и другие опасные для жизни состояния), учитывая, что со временем после употребления алкоголя, концентрация этилового спирта в организме может нарастать.

Обратим внимание и на то, что сотрудниками полиции требуется фиксирование фактов отказа в госпитализации таких лиц, поскольку это связано с задачами получения общей картины на территории района обслуживания относительно организации взаимодействия, это является важным для совершенствования организации такой совместной деятельности полиции и медицинских учреждений и выступает одним из средств предупреждения виктимности данной категории лиц. Такие отказы должны быть мотивированы и надлежащим образом документально оформлены медицинскими работниками.

Важной является первичная оценка сотрудником полиции состояния такого лица и исключение фактов доставления

в территориальные органы внутренних дел лиц, находящихся в опасном для жизни и здоровья состоянии, которым требуется оказание медицинской помощи. Очень важно, что сотрудникам полиции нужно исключать самостоятельные решения о доставлении указанной категории лиц в территориальные органы внутренних дел. Примером неправильных действий при самостоятельном решении о доставлении такого лица в территориальные органы внутренних дел может быть следующий случай, отраженный в материалах судебной практики.

Так, за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 293 УК РФ был осужден участковый уполномоченный полиции Ш., который <...> не принял мер к вызову на место нахождения в состоянии опьянения Ф. бригады скорой медицинской помощи либо к доставлению Ф. в медицинскую организацию для оценки медицинских показаний для оказания медицинской помощи в стационарных условиях. Кроме того, Ш. не проинформировал дежурную часть отделения полиции о том, что к Ф. им не была вызвана выездная бригада скорой медицинской помощи и не обеспечено доставление Ф. в медицинскую организацию. Ш. доставил Ф. в период времени с 18 часов по 19 часов 1 апреля 2013 года, с места его обнаружения в здание отделения полиции, где оставил его в коридоре первого этажа здания. 2 апреля 2013 года, в период времени с 04 часов 30 минут по 07 часов, Ф., находясь в коридоре первого этажа здания отделения полиции, скончался в результате острого отравления этиловым спиртом при явлениях нарушения кровообращения внутренних органов, отека легких и головного мозга.

Материалами дела было установлено в том числе то, что: 1) уже в момент обнаружения Ф. находился не менее 10 минут, когда его наблюдал свидетель в положении лежа на земле и не предпринимал попыток подняться, при том, что учетом времени года и погодных условий это угрожало здоровью; 2) Ф. не находился в состоянии бодрствования и был разбужен с применением физического воздействия; 3) Ш., как следует из его показаний и действий, исходил из того, что обнаруженное лицо не примет мер к самостоятельному спасению от холода; 4) будучи оставленным в

коридоре, в течение непродолжительного времени Ф. упал со скамьи на пол и далее находился на полу, не меняя положения тела; 5) оказание квалифицированной медицинской помощи Ф. в условиях стационара, направленной на детоксикацию и поддержание жизненно-важных функций организма, сохраняло шансы на благоприятный исход, хотя и не гарантировало этого.

В итоге, судом был сделан вывод о том, что вследствие указанных обстоятельств Ш. должен был рассматривать Ф. как лицо, утратившее способность самостоятельно передвигаться и ориентироваться в окружающей обстановке [15].

Очень важно, что после доставления гражданина, находящегося в состоянии опьянения в качестве лица, совершившего административное правонарушение, следует опираться на положения приказа МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (ред. от 19 июня 2014 г.) «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан», согласно п. 16.1 которого, если доставленное лицо находится в состоянии, требующем срочного медицинского вмешательства (при <...> отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью), а также в случае заявления с его стороны об ухудшении состояния здоровья <...>, оперативный дежурный обязан вызвать выездную бригаду скорой медицинской помощи, до приезда которой начать оказание первой помощи, обеспечить постоянное наблюдение за таким лицом [16].

Следует отметить, что при невозможности прибытия бригады скорой медицинской помощи (например, в сельской местности при нахождении лица в состоянии опьянения в населенном пункте, удаленном от медицинской организации муниципального образования, в зимнее время и др.) необходимо самостоятельное доставление в дежурную часть территориальных органов внутренних дел (если лицо не находится в состоянии, угрожающем жизни и здоровью) или в медицинскую организацию (если лицо находится в состоянии, угрожающем жизни и здоровью). При этом следует исключать длительную перевозку сотрудниками поли-

ции указанной категории лиц в служебном транспорте, так как это может привести к чрезвычайным происшествиям, связанным со смертями лиц, находящихся в состоянии опьянения вследствие отравления этиловым спиртом, ухудшения состояния здоровья в связи с наличием ряда хронических заболеваний, асфиксии вследствие попадания в дыхательные пути рвотных масс и др.

Следует выделить и еще один, заслуживающий внимания, вопрос о действиях сотрудников полиции при обнаружении в процессе несения службы гражданина в состоянии, похожем на состояние опьянения. В таких нетипичных случаях правильно принятое решение может способствовать предупреждению ситуаций, в которых гражданин может пострадать, исключить случаи необоснованного доставления лица в органы внутренних дел. Приведем следующий пример.

При несении патрульно-постовой службы сотрудники полиции, находящиеся в составе автопатруля, обратили внимание на молодого человека, который находился в зимнее время на одной из улиц г. Энска в расстегнутой одежде, без головного убора (температура воздуха составляла около – 25 °С). Этот человек вел себя заторможенно, медленно передвигался, при передвижении «замирал» и стоял на одном месте. В ходе общения с ним было установлено, что его речь замедлена, на основании внешних признаков сотрудники полиции посчитали, что молодой человек находится в состоянии наркотического опьянения и было принято решение о доставлении данного лица в медицинское учреждение для его освидетельствования. В процессе доставления они уточнили у гражданина данные о его личности, о том, где он учился. Молодой человек ответил, что он учился в специальной школе, является инвалидом и страдает расстройствами психики, назвал адрес проживания. Сотрудниками полиции он был доставлен по месту жительства по указанному им адресу, мать этого молодого человека подтвердила факт психического заболевания сына, показав соответствующие документы.

Данная ситуация используется в системе подготовки сотрудников полиции как один из учебных примеров. При указанных условиях сотрудниками полиции

были совершены правильные действия, нацеленные на выполнение предупредительной функции полиции. Этим примером показана социальная роль полицейской деятельности, нацеленной на помощь гражданам, предупреждение преступлений и правонарушений.

Мы считаем, что проблемные ситуации взаимодействия сотрудников полиции и медицинских работников должны подлежать не только учету, но и последующему анализу с информированием руководителей учреждений здравоохранения, в том числе – по фактам отказа медицинскими организациями в приеме от сотрудников полиции лиц, утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке вследствие состояния опьянения. От налаживания межведомственного взаимодействия полиции и медицинских работников зависит успешное предупреждение ухудшения состояния лиц,

находящихся в состоянии опьянения, своевременно оказание им специализированной помощи.

Исследование обозначенной нами проблематики может стать основой для совершенствования законодательства, положений нормативных правовых актов, регламентирующих оказание специальной медицинской помощи в указанных ситуациях, положений нормативных правовых актов, регламентирующих деятельности полиции, позволит формировать практику результативного взаимодействия полиции и медицинских организаций.

Такая работа может выступать одним из средств предупреждения отрицательных социальных последствий алкоголизации и наркотизации населения, позволит сохранить жизни людей, успешно реализовывать практические задачи полицейского предупреждения преступлений и правонарушений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Майоров А.В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности : монография. – Челябинск, 2013. – 182 с.
2. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология : монография. – Н. Новгород, 1998. – 211 с.
3. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ; в ред. от 22 июля 2014 г. // Рос. газ. 2011. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Приказ Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н (ред. от 07 ноября 2012 г.) «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Инструкция городовой Московской полиции. М.: Типография при Канцелярии Московского Обер-Полицеймейстера. 1883. 55 с.
7. Очерк науки полицейского права И.Т. Тарасова, профессора императорского Московского университета. – М., 1897. – 704 с.
8. Основы полицейской службы. Второе издание. – СПб: Типография СПб Градоначальства, 1901. – 30 с.
9. Советская криминология: учебник / Отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М: Юридическая литература, 1966. – 320 с.
10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
11. Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации: приказ МВД России от 23 декабря 2011 года № 1298 // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

12. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 03 июля 2016 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

13. Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи: приказ Минздрава России от 20 июня 2013 г. № 388н (в ред. от 05 мая 2016 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

14. Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 (ред. от 12 мая 2015 г.) «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

15. Приговор Юрлинского районного суда Пермского края по уголовному делу № 1-1/2014 г. // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru>.

16. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (ред. от 19 июня 2014 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

ГАРМАНОВ Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации охраны общественного порядка Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России.
E-mail: garmanov.v.m1978@mail.ru

Garmanov V. M.

WARNING EMPLOYEES PATROL POLICE VICTIMIZATION OCCUPANTS INTOXICATED AND LOSS OF ABILITY TO MOVE INDEPENDENTLY OR ORIENTATED IN THE ENVIRONMENT

The article deals with prevention officers patrol police service victimization of persons who are intoxicated and lost their ability to move independently or orientate in the environment. This article has been prepared with a view to finding practical application of the results of victimization directions of research in this area. Consider some practical issues of police activities at work with this category of citizens, the problematic issues of cooperation between the police and medical personnel working with these persons.

Keywords: *viktimnost. Viktimnosti warning persons who are intoxicated, the interaction of police and medical staff, training of police officers*

GARMANOV Victor Michylovich, Candidate of Legal Sciences, associate professor, Chair of Legal Training of Law Enforcement Officers of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
E-mail: garmanov.v.m1978@mail.ru

Гончаров Д. Ю., Зырянова Ж. Е.

МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ

В статье рассматривается понятие и сущность бытовой коррупции, некоторые аспекты мелкого взяточничества. Анализируется целесообразность и обоснованность дифференциации ответственности за взяточничество в зависимости от размера взятки. Предлагается отнести институт «мелкого взяточничества» к сфере административного законодательства.

Ключевые слова: бытовая коррупция, коррупция, мелкое взяточничество, антикоррупционная деятельность.

Вопрос противодействия коррупции остается для России актуальным на протяжении уже многих лет. Основная часть исследований коррупции и средств противодействия ей направлены на изучение деловой коррупции, в то время как исследования бытовой коррупции достаточно скудны.

Понятие «бытовая коррупция» впервые введено национальным планом противодействия коррупции на 2010-2011 годы, и определено как «коррупционные нарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто» [1].

Общественная опасность бытовой коррупции обуславливается, в частности, следующими обстоятельствами. Она весьма распространена, люди дают взятки везде – в медицинских учреждениях, детском саду, школе и институте. Стоит отметить, что многие люди даже не понимают по сути, что дают взятку, совершают преступление, считая, что «пара тысяч рублей» – это всего лишь небольшая благодарность за оказание какой-либо услуги.

Бытовая коррупция развращает общество, подрывает его нравственные устои. Общество не желает бороться с «бытовыми» коррупционерами, не желая стоять в очередях или соблюдать установленный порядок определенных процедур. Однако следует понимать, что «облегчая», как нам кажется себе жизнь, дав взятку, мы не только совершаем уголов-

но-наказуемое деяние, но и нарушаем права тех, кто желает получить данную услугу на законных основаниях и в установленном порядке.

Отличительная черта бытовой коррупции – это небольшие суммы взяток, однако они, как правило, носят постоянный, практически ежедневный характер со стороны взяткополучателя.

Взяткополучателями в данном случае выступают врачи, преподаватели, должностные лица предприятий и организаций, оказывающих услуги населению, то есть те, с кем мы встречаемся практически ежедневно.

Противодействие данному виду коррупции необходимо, прежде всего, начинать с изучения ее сущности и детерминантов. Без понимания сущности явления, причин и условий, его порождающих, невозможно найти эффективные методы борьбы с ним.

Национальный план противодействия коррупции на 2016 - 2017 годы провозглашает одним из направлений работы организацию научных междисциплинарных исследований законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения в части, касающейся снижения уровня бытовой коррупции [2]. Представляется, что результатом проведения указанных исследований станет разработка четкой, последовательной стратегии борьбы с проявлениями бытовой корруп-

ции, что в конечном итоге приведет, пусть не к полному ее искоренению, но хотя бы к значительному снижению ее уровня.

Федеральным законом от 03 июля 2016 № 324-ФЗ в УК РФ была введена ст. 291.2 «Мелкое взяточничество», в нормах которой установлена ответственность за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. В пояснительной записке к проекту данного федерального закона было отмечено, что «в 2012–2015 годах подавляющее большинство уголовных дел по факту коммерческого подкупа, дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей» [3]. Поэтому, факт разграничения ответственности в зависимости от размера дачи или получения взятки в данном случае кажется целесообразным. Это, на первый взгляд, отвечает принципам справедливости и дифференциации наказания.

Интересным представляется определение законодателем таких деяний с использованием прилагательного «мелкое» и отнесение его к преступлениям, в то время как другие «мелкие» деликты (мелкое хищение, мелкое хулиганство), в силу небольшой общественной опасности, относятся к административным правонарушениям. Представляется, что исторически последовательным было бы институт мелкого взяточничеством разместить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, определив при этом мелкое взяточничество, как «получение или дачу взятки в размере, не превышающем 1 000 рублей». Что касается взятки в размере, не превышающем 10 000 рублей, то, целесообразнее было бы внести изменения в уже имеющиеся статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за дачу и получение взятки соответственно, нежели, вводить в УК РФ новые статьи. Такой точки зрения придерживаются А.П. Алексеева и А.С. Иванов. [4]

Также нельзя не обратить внимания на то, что законодатель впервые уравнил ответственность за дачу и получение взятки, что в корне не отвечает принципу справедливости наказания, в связи с тем, что степень общественной опасности взяткополучателя всегда выше. Следует сказать, что степень общественной опас-

ности получения взятки стоит исчислять не столько из размера взятки, сколько из обусловленности действий должностного лица и наступивших последствий взяткой или ее обещанием [5].

Кроме этого, в сегодняшнем виде уголовно-правовая норма об ответственности за мелкое взяточничество таргетирует не такой уж большой пласт бытовой коррупции. Следует учесть, что де-факто круг субъектов бытовой коррупции шире субъектов взяточничества, ведь его субъектами (и субъектами мелкого взяточничества, в том числе), де-юре остаются должностные лица, иностранные должностные лица либо должностные лица публичных международных организаций. По вопросу о том, кого следует считать субъектом мелкого коммерческого подкупа (статья 204.2 УК РФ) и мелкого взяточничества (статья 291.2 УК РФ), Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что «субъект преступления, предусмотренного статьей 291.2 УК РФ, полностью совпадает с субъектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, а субъект мелкого коммерческого подкупа - с субъектом коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ)» [6].

В то же время, в аспекте дифференциации ответственности за мелкие коррупционные деликты законодатель проявил следующую непоследовательность. Если уголовная ответственность для субъектов мелкого взяточничества, а именно для получающего и для дающего мелкую взятку смягчена, то посредничество в мелком взяточничестве должно оцениваться как пособничество в мелком взяточничестве и наказываться так же, как само мелкое взяточничество. По вопросу о том, может ли быть привлечено к ответственности по статьям 204.2 или 291.2 УК РФ лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче предмета коммерческого подкупа на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, либо взятки, размер которой не превышает десяти тысяч рублей, Верховный Суд Российской Федерации указал: «Нет, не может. В соответствии со статьей 204.1 УК РФ, действующей с 15 июля 2016 года, и статьей 291.1 УК РФ, а также примечаниями к статьям 204 и 290 УК РФ уголовная ответственность установлена только за посредничество в коммерческом под-

купе или во взяточничестве, если сумма предмета подкупа или размер взятки являются значительными (превышают двадцать пять тысяч рублей)» [6]. Следует заметить, что в настоящий момент норма о простом посредничестве во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, наказуемо посредничество в значительном размере) предусматривает наиболее строгое наказание, полуторакратно меньшее наиболее строгого основного наказания за получение взятки в значительном размере. Однако почему же тогда законодатель не предусмотрел ответственность за посредничество в мелком взяточничестве, уменьшив её в сравнении с самим мелким взяточничеством?

Принятие законодателем анализируемой уголовно-правовой нормы представляется нам нелогичным и непоследовательным, кроме названных, ещё и по следующим уголовно-политическим причинам.

Во-первых, в связи с отсутствием результатов комплексного межведомственного исследования такого явления, как бытовая коррупция. Указание на проведение такого исследования было дано Президентом Российской Федерации только в этом году.

Во-вторых, смягчение уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений не соответствует целям и задачам текущей антикоррупционной политики государства. Невозможно победить коррупцию, смягчая наказание за нее.

В-третьих, нельзя разграничивать общественную опасность коррупционного преступления только размером взятки. Общественная опасность, например, незаконного отказа в возбуждении уголовного дела, не зависит от того, какое вознаграждение – 5 или 20 тысяч рублей получил за это сотрудник правоохранительных органов. Однако, наказание за совершение данного деяния напрямую зависит от размера полученной взятки. С этой точки зрения, ни о какой справедливости при назначении наказания, речи идти не может.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что введение в УК РФ новой статьи антикоррупционной направленности (ст. 291.2 «Мелкое взяточничество») является актом противоречивого отношения к бытовой коррупции. С од-

ной стороны, очевидна либерализация уголовной политики в отношении субъектов мелкого взяточничества. С другой стороны, анализируемая норма – новая, и в этой части новый закон, предусматривающий уголовную ответственность, не должен применяться в отношении лиц, совершивших деяния до его введения в действие. Однако новая норма распространяется сейчас на лиц, в отношении которых осуществляется или уже осуществлено уголовное преследование за простое взяточничество. Так, по вопросу о том, подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные частями 1–4 статьи 204, частями 1, 3, 4, 5 статьи 290, частями 1, 3, 4 статьи 291 УК РФ (в редакциях, действовавших до 15 июля 2016 года), если предмет коммерческого подкупа или размер взятки составлял сумму, не превышающую десяти тысяч рублей» Верховный Суд Российской Федерации указал: «да, подлежат с перекалфикацией действий осужденных на часть 1 статьи 204.2 или на часть 1 статьи 291.2 УК РФ» [6]. Тогда возникает вопрос: следует ли привлекать к ответственности за мелкое взяточничество или за обычное взяточничество лиц, о совершении мелкого взяточничества которыми стало известно после введения в УК РФ ст. 291.2 УК РФ?

Поставленные в статье проблемы и открытые вопросы, сделанные замечания не позволяют прийти к однозначному выводу о том, что новая норма в полной мере соответствует криминальным реалиям современной действительности. Достижение положительных результатов в борьбе с проявлениями бытовой коррупции возможно, на наш взгляд, при условии дальнейшего совершенствования института ответственности за мелкие общественно вредные деликты. Криминологам, представителям административно-правовых отраслей, законодателям, представителям общественных и иных заинтересованных институтов, на наш взгляд, следовало бы обсудить возможность переноса в будущем норм об ответственности за мелкое взяточничество в тексты актов об административно-правовых деликтах или уголовных проступках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // «Российская газета». 15.04.2010. № 79.

2. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // «Российская газета». 13.04.2016. № 78.

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/51981> (дата обращения 20.12.2016 года).

4. Алексеева А.П., Иванов А.С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 91–96.

5. Чуклина Э.Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 95–100.

6. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 28 сентября 2016 г. Текст ответов официально опубликован не был // СПС Гарант-Сервис.

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич, профессор кафедры уголовного права второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России», доктор юридических наук.

E-mail: goncharov_d@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Жанна Ержановна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России».

E-mail: Isengazina.zhanna.91@mail.ru

Zyryanova Zh. E., Goncharov D. Y.

PETTY CORRUPTION AS A MANIFESTATION OF EVERYDAY CORRUPTION

In article the concept and essence of household corruption, some aspects of small bribery is considered. Feasibility and justification of differentiation of responsibility for bribery depending on the bribe size is analyzed. It is offered to carry institute of «small bribery» to the sphere of the administrative legislation.

Keywords: *household corruption, corruption, small bribery, anti-corruption activities.*

GONCHAROV Denis Yuryevich, professor of department of criminal law of the second faculty of professional development (with dislocation to Yekaterinburg) institute of professional development of “Moscow academy of Investigative committee of the Russian Federation”, professor of department of criminology and the criminal and executive law “The Ural legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, doctor of jurisprudence.

E-mail: goncharov_d@mail.ru

ZYRYANOVA Zhanna Erzhanovna, graduated in a military academy “The Ural legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”.

E-mail: Isengazina.zhanna.91@mail.ru

Troshina S. M., Lukyanenko S. D.

ANALYSIS OF THE METHODS AND TECHNOLOGIES OF INFORMATION SECURITY IN CLOUD SERVER

Low level of information protection when using the cloud server creates the threat of incidents. Terrorist and extremist organizations use the information vulnerability of cloud servers to create a risk of technogenic catastrophes. Species analysis of the characteristics of cloud technologies and existing remedies allowed to make suggestions for strengthening information security in this field.

Keywords: cloud computing, server, encryption, filtering, authorization, identification, authentication, unauthorized access, transnational crime, organized crime, man-made disasters, information security.

1. Introduction

Competition in the provision of new information products is shifting from the market of goods and services in numerous sets of Web applications for working with documents. One of the forms of competitive struggle with segments Amazon S3, Crash-Plan providing online storage capacity of gigabytes, are cloud storage.

Cloud storage – a model of online storage where data is stored on multiple distributed network servers, giving consumers the information services, mainly third party. In contrast to traditional models of data storage on their own dedicated servers purchased or leased specifically for such purposes, quantitative characteristics, as well as the internal structure of servers is hidden from the consumer information services. Data is stored and processed in the «cloud» that represents the collection of servers that are located remotely from each other geographically, including continental.

The cloud is an online service that provides the ability to store files on a remote server. Download e-documents and their subsequent adjustment by the user is made to online storage on the server. It seems that all operations occur in one place, so-called «cloud». However, actually, the remote server is often located on different territories, and sometimes on different continents. The usability of cloud services de-

pends on the speed of the Internet connection established by the consumer, which should be 600 Kbps and above. Cloud services appeared in Russia together with high-speed Internet with a minimum speed of 1 MB/s.

2. Comparative analysis of cloud servers

Analysis of cloud storage services allows to reveal their advantages over traditional information systems, as well as significant information security weaknesses that may lead to the violation of personal data protection of users, as well as to man-made disasters of various scales.

Types of cloud storage services vary depending on their characteristics: compensated and uncompensated, are designed for a large amount of information and the small volume that creates support for various operating systems, etc. Species similarity of cloud servers lies in the way processing of information.

Service Dropbox supports Android, iOS, WindowsPhone 8 (partially). Service features: in Dropbox there is no document editing, no limitations on the format and size of media files. The service allows you to configure automatic syncing and uploading photos and video content to the cloud in real time, which guarantees the safety of recorded material in case of breakage information media.

For product promotion on the market of products offers several tariff plans with attractive economic conditions of the contract of purchase and sale: free 2 GB of disk space, which can be increased at the expense of attraction of referrals (new users who registered in Dropbox on the recommendation) and install the application on your computer. Privileges provided by the manufacturers of mobile devices. For example, during the registration process with some devices from Samsung and HTC additional amount of cloud storage Dropbox, and the right savings bonuses (53 GB for 2 years).

The Service Yandex. Disk: supports Android, iOS. To use Yandex. Disk you need to create an account that provides access to all Yandex services. This service allows you to link this entry to any of the accounts in social networks and implemented through not login, or login to the system directly.

For the promotion of Yandex. Disk used economic levers to attract customers. By default, users available 3 GB, after performing certain actions (e.g., installing an application on your computer, download the same file in the repository and posting the link to the service in social networks) increases the quota up to 10 GB, this number will increase to 10 GB is inviting referrals. In addition, the purchase of some laptop models is encouraged Samsung free provision of 250 GB.

The server only allows you to upload and download files, the files can be made public - in this case, they are not indexed by search engines, but are available via direct links, which you can send by mail or post in social network. Because of the proximity it has the largest speed (2-3 MB per second) and the ability to map a drive via WebDav. However, there is a drawback: there is no extension used the Internet.

Service GoogleDrive: Gmail users are getting «the load». The main advantages of the Google server is the low cost of an additional Gigabyte and tight integration with Google Docs allowing you to edit your files online, and then to Refine them locally in any office package. In comparison, the same online integration with Microsoft Office is endowed with the SkyDrive server.

The server MicrosoftSkyDrive: there is tight integration with Windows 8. A Live account used for working with Windows Store and sync settings in the operating

system, so SkyDrive will have to connect to the system automatically, and 25 GB is provided to the user free of charge.

The server is characterized by a high capacity RAM. Server SkyDrive on this feature below possibilities Yandex. Disk. The disadvantage of server Microsoft is that it does not support Linux or Windows XP.

The server is SugarSync's ability to sync any files and folders on the disk. In other services this function can be applied using hard links, however, as practice shows, it is not effective. The opportunity to limit the use of the communication channel, however, to limit in SugarSync only allowed to Upload.

Increase account made by a consumer through an invitation of a large number of users for a referral link. The only service that offers a similar referral system (Dropbox), limits the maximum bonus is 60 GB.

Some of the drawbacks of SugarSync servers is not high speed file downloads and no reference is made to a synchronized directory on the sidebar of dialogs for saving/opening files, which makes quick access to the right files.

Listed species characteristic of the cloud servers with the analysis of their advantages and disadvantages leads to the conclusion about the existing problem of information security in the cloud technology. Information security is one of the most actual problems of Informatization.

Cloud servers are created on infrastructural platforms with a high degree of automation. Cloud servers use traditional software and physical security: firewall, IDS/IPS, virtual closure of vulnerabilities (Virtual Patching) and antivirus programs. However, the problems arising in risk management.

3. Problems of information security in use of cloud servers

The economic benefit of cloud technologies is obvious. However, the use of cloud computing increases the risk of emergence of emergency situations of technogenic character. The lack of physical access to servers in public cloud environments increase the need for improved security. When you have an emergency in the cloud server there is no possibility to press the emergency shut-off valve, in comparison with a physical server.

Transnational cloud-based technologies are widely used by organized crime in

accordance with the report of the international expert group of The Global Terrorism Index, information from the Global Terrorism Database (GTD), National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). In Russia, the terrorism index is 6,76. Russia takes the 11th place out of 124 countries in terms of the threat of terrorist activity. Terrorist activities are closely linked to the receipt of illegal proceeds from trafficking in arms, drugs and slaves. Detection and investigation of crimes of terrorist and extremist nature with the use of information technology is complicated due to their cross-border and significant differences in national systems of criminal law and criminal process.

Crimes in the sphere of information security are qualified on set with the crimes against persons, law enforcement and economic crime [1].

Russia had recorded a total of 356 extremist crimes, in subsequent years their number increased: in 2008, 460 in 2009 to 548 in 2010 to 656 in 2011 to 622 in 2012 – 696, 2013 – 896, and in 2014 – 1024 crimes [2].

Conflict of laws Federal law of 25.06.2002 № 114-FZ «About counteraction of extremist activity» [3] and the Criminal Code of the Russian Federation, defining the conceptual framework and, consequently, of offences with similar symptoms [4], practically impedes the criminalization of extremist formulations. Also, extremism is part of propaganda and public demonstration of Nazi paraphernalia, which is in compliance with article 20.3 of the administrative code of the Russian Federation an administrative offence.

In the Supreme Court's determination presents a normative interpretation of the sign of extremism «humiliation of the dignity of the individual is the negative evaluation of personality in a generalized form, directed to her discredit, undermine the authority of the person in their own eyes» [5]

The legislation provides for the qualification for extremist activities – dissemination of information inciting hatred on racial or ethnic affiliation of individuals and peoples, using mass media, including the Internet. However, judicial practice, this provision is interpreted broadly, convictions, justified the use by criminals for extremist purposes any technical means, including sending SMS messages, which can create the effect of publicity. [6,7].

The threat to national security is that information systems and resources are used by cyber criminals to promote in the society the ideas of terrorism and extremism. The functioning of the cloud facilitates the Commission of crimes of an international character, due to the low level of protection of the reference data contained in cloud servers, and high conspiracy of malefactors.

Attackers use for the deepening of delinquency features cloud server: scalable; the payment of the product as; self-service; universal access; pooling of resources of large computing power; a need for constant connection; the possibility of breaches of confidentiality of stored information; low reliability; a security vulnerability. When penetrating the cloud server, the attacker has access to a huge data warehouse.

Conventional crimes in national law as crimes, committed by an organized criminal group [8]. Active promotion on the market of new information technologies requires a cloud of servers in combination with existing traditional methods of creation of new automated systems for registration of information dissemination of malicious content.

Extremist crimes with use of information technologies acquire a greater danger to society because organized criminal groups are involved a minor, as major users of transnational information systems [9]. Cloud servers are used more often by people aged under 16 years. Therefore, the organizers of criminal groups using the method of indirect Commission of crimes involving persons under the age of head of responsibility.

To combat international crimes [10] and overcoming harmful factors in information using cloud servers requires a systematic approach of legal, information and technical security measures with the use of automation.

In fact, to improve information security, on the one hand, apply proven tools and techniques: data encryption and remote key management. On the other hand, a prerequisite for increasing the level of automation is the integration of different security functions with a broker of cloud services. Consideration of these two aspects will allow you to take full advantage of the cloud and prevent information security incidents.

It is necessary that all servers on the local, internal or external clouds were identified and integrated into the concept of safety management. When using cloud services, the effect is achieved through direct integration with the broker of cloud services, which quickly provides information about the availability of different cloud servers. To map the parameters of the exploited servers, with the requirements of security systems in dynamic environments is not possible, because in the attempt of comparative analysis there are numerous errors.

The problem is that, if any cloud server is not integrated into the safety management system, the attacker he is elected for behaviour incidents. When information about all cloud servers is granted automatically, regardless of their location, using security profiles, you can actually make changes for any number of cloud servers.

4. The Traditional means of information protection in cloud servers

Automation simplifies tracking of changes made on the cloud servers, for example, in files or the registry. To reduce the complexity of tracking such events, it is necessary to provide automatic filtering of the reference data by specialized software. Need to automatically sort all the events, for example, when you upgrade standard system Linux or Windows. Thanks to the automatic filtering of «positive» events, you receive the opportunity to learn more about the remaining events. This allows you to detect potential unauthorized activity, identify vulnerabilities, and, on the basis of the analysis report on the incidents, to introduce additional measures of protection.

Providing secure cloud servers for data processing — is the primary preventive measures when using cloud services. The result of improvement of information security, hosted cloud server, that is outside of the realm of physical access.

As protection of information during transmission using cloud-based systems are used encryption methods. However, the duecord are transmitted in an unsecured form and without integrity. For secure record processing, it is mandatory to encrypt their transmission. Which will provide the user an increased level of security.

Increasing the level of information security is achieved by encrypting virtual hard disks. If necessary, obtain access to authorized users data is decrypted when

read, and then re-encrypted when written to disk. The result is protection from the unauthorized transfer of unencrypted information into long-term storage service providers in the form of backups.

When encrypting record there arises the problem of protecting the keys. Storage in the cloud is impractical because the accessibility to cloud servers or templates entail access to the key thus decrypted record. Set password at system startup, as is customary in on-premise solutions for record encryption, is difficult in the cloud server in the absence of this console. Physical enter key is replaced by the request that the cloud server sends to the external source to the key management server (Key Management Server, KMS).

The KMS server verifies the identification data, for example, cloud server, IP addresses, patterns or location. Also checked the integrity (firewall, installed patches, the presence of active virus scanner) a cloud server that sent the request. The process coincides with the traditional encryption of hard disks. If successful, the key is provided either automatically or after confirmation by an authorized person. As a result cloud server accesses record. The cancellation is the incident of violation of its integrity or identity.

Also encrypt hard drives with separate control keys perhaps the provision of Infrastructure as a Service, IaaS. Its use is advisable when implementing delivery models Platform as a Service, PaaS. So encrypted information in databases in clear text misses the provider's cloud servers. It is necessary for the work with the encrypted record keys are controlled by the user.

In server, Amazon S3 Server-Side Encryption the data is encrypted by the provider before moving it to storage or backup. This technology allows you to protect the information from attackers with physical access to hard drives (stolen data would be unusable).

However, these protections do not have effectiveness in the Commission of a crime by a person using his official position, as to the subject composition includes employees of the cloud service provider abusing his official powers (article 159.6, 274 of the criminal code R F).

An interesting variant of the encryption is a combination of encrypted data and secure transmission technologies.

The majority of SSL and VPN option support the use of digital certificates for authentication, by which before data is validated identification information of the other party. Such digital certificates can be stored on virtual hard disks in encrypted form. Their use is possible after validation by the key management server identity information and the integrity of the system. Consequently, the use of comprehensive measures of protection allows users a choice of cloud servers that were checked.

It is important to understand that the legal responsibility for the safety of the database and their loss is the responsibility of the users themselves cloud servers.

5. Conclusion

1) To ensure information security in cloud servers, it is necessary to apply automated methods of screening incoming information. The method of automated filtration of messages will allow detecting the security incident, and to analyze vulnerabilities and to take preventive measures to strengthen the existing system of protection;

2) To implement an automatic encryption system for the transmission of information by the cloud server providers before enrolling its customers with increased protective procedures for transfer and use of keys.

3) To create special units of the Federal security service of Russia on the analysis and processing of information flows, stored and transferred in the cloud server and other databases, with the aim of combating extremism and other crimes committed with use of means of information.

4) To create an automated system for the registration of malicious messages and information stored in cloud servers and other databases, with the aim of preventing technogenic catastrophes.

6. Acknowledle

Implementation of the proposals in the practical activities of the Federal Security Service of Russia and other law enforcement agencies will lead to decrease in risks of emergence of emergency situations of technogenic catastrophes.

REFERENCES

1. Kochoy S. M. Terrorism and extremism: criminal-legal characteristic// Moscow: Prospect, 2005. P. 106.
2. The official website of the Ministry of internal Affairs of Russia. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.mvdinform.ru>
3. Federal law of 25 July 2002 № 114-FZ «On countering extremist activities» // [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=76617>
4. The instruction of the Prosecutor General of the Russian Federation and the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated October 28, 2010 No. 450/85/3 «About introduction in action of the Lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation, used when forming the statistical reporting» // [Electronic resource]. – Access mode: <http://omamvd.ru/Data/Extrem/Docs/1/1.pdf>.
5. The definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.04.2010 No. 65-O10-1 // [Electronic resource]. – Access mode: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44992.htm
6. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 № 11 «On judicial practice on criminal cases about crimes of an extremist orientation» // [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html>
7. The official website of the Prosecutor General of the Russian Federation // [Electronic resource]. – Access mode: <http://genprok.gov/ru/news/news-12016/>.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 No. 12 «On judicial practice of consideration of criminal cases about the organisation of criminal community (criminal organization) or participation in it (her)» // [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.rg.ru/2010/06/17/prest-org-dok.html>
9. Chaika Y. Annual report of the Prosecutor General of the Russian Federation the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation // Russian newspaper. Central release No. 5164 (85) dated 22 April 2010.
10. The Declaration on measures to eliminate international terrorism from 09.12.1994/ Electronic resource: // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml

TROSHINA Svetlana M., PhD, Associate Professor of chair «Theoretical Foundations of Radio Engineering» IRIT-RTF Ural Federal University First President of Russia
B. N. Yeltsin
E-mail: troshina-svetlana63@mail.ru

LUKYANENKO Stanislav D., master of science of chair «Theoretical Foundations of Radio Engineering» IRIT-RTF Ural Federal University First President of Russia
B. N. Yeltsin,
E-mail: mad-mike2332@yandex.ru

Трошина С. М., Лукьяненко С. Д.

АНАЛИЗ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАЧНЫХ СЕРВЕРАХ

Низкий уровень защиты информации при использовании облачных серверов создает угрозу инцидентов. Террористические и экстремистские организации используют уязвимости информации на облачных серверах, что создает риск возникновения техногенных катастроф. Видовой анализа характеристик облачных технологий и имеющихся средств правовой защиты позволил внести предложения по укреплению информационной безопасности в этой области.

Ключевые слова: *облачные вычисления, сервер, шифрования, фильтрация, авторизация идентификация, аутентификации, несанкционированного доступа, транснациональная преступность, организованная преступность, техногенные катастрофы, информационная безопасность.*

ТРОШИНА Светлана Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теоретические основы радиотехники» ИРИТ-РТФ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: troshina-svetlana63@mail.ru

ЛУКЪЯНЕНКО Станислав Дмитриевич, магистр кафедры «Теоретические основы радиотехники» ИРИТ-РТФ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: mad-mike2332@yandex.ru

Штефан А. В.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ

В статье раскрыта деятельность субъектов специально-предупредительной деятельности по предупреждению насилия в отношении несовершеннолетних в семье, а также деятельность субъектов социальной политики и гражданского общества: службы социальной помощи, органы здравоохранения и образования, общественные структуры, средства массовой информации, государственные структуры, ответственные за социальную защиту семьи.

Ключевые слова: несовершеннолетние, предупреждение насилия, насилие в семье, субъекты специального предупреждения.

Вопросам предупреждения насилия в семье и снижения виктимизации несовершеннолетних в последнее время уделено не мало внимания в научной литературе [См., напр.: 20, 21, 22]. Однако по-прежнему остается актуальным вопрос специального предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних в семье.

Специальные криминологические меры предупреждения насильственных преступлений против несовершеннолетних в семье осуществляются специальными субъектами предупредительной деятельности на профессиональном уровне.

Основными субъектами специально-предупредительной деятельности в данном случае являются государственные органы, которые должны оказывать необходимое воздействие на повышено-криминогенные группы и поддержку повышено-виктимной группе.

В частности, Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 года № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» [1] введена должность федеральной государственной гражданской службы РФ – Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, которому

для выполнения возложенных на него обязанностей представлено право запрашивать и получать в установленном порядке необходимые сведения, документы и материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц; беспрепятственно посещать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации для проведения проверки деятельности данных органов самостоятельно или с уполномоченными органами и должностными лицами, а также получать соответствующие разъяснения от должностных лиц; направлять в федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и интересов ребенка, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и интересов; привлекать в

установленном порядке для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка, научные и иные организации, а также ученые и специалисты, в том числе на договорной основе.

Опыт работы уполномоченных по правам ребенка показал, что проблема нарушения прав детей в нашей стране стоит достаточно остро, при этом Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павел Астахов назначен на должность национального координатора от Российской Федерации по защите прав детей и ликвидации всех форм насилия в отношении детей, что позволит полноценно участвовать в деятельности Совета Европы в этом направлении [2].

Специальное криминологическое предупреждение насилия в отношении детей в семье осуществляют, наряду с Уполномоченным по правам ребенка РФ, и аналогичные уполномоченные в субъектах РФ.

Например, в Тюменской области Уполномоченный по правам ребенка осуществляет свою деятельность по следующим направлениям: 1) формирование банка данных о детях, находящихся в трудной жизненной ситуации (он актуализирован и активно используется); 2) профилактика суицидов и повышение уровня исполнения алиментных обязательств в отношении детей, а также подготовка предложений по совершенствованию законодательства в сфере защиты прав и законных интересов детей; 3) проведение информационной и профилактической работы по оказанию методической и психологической помощи всем членам семьи, а также родительского сообщества о поведении в кризисной ситуации, которая проводится в рамках общенациональной кампании противодействия жестокому обращению с детьми «Россия – без жестокости к детям», в рамках реализации мероприятий областной программы «Воспитание заботой» [3].

Уполномоченный по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе осуществляет следующие основные направления деятельности: снижение доли многодетных семей с результирующим доходом на члена семьи ниже прожиточного минимума; рост числа семей с детьми, которые воспользовались различны-

ми кредитными программами; повышение объема субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг отдельным категориям граждан; увеличение числа молодых семей, проживающих в отдельных квартирах; снижение количества разводов, сокращение количества воспитанников специализированных учреждений для детей-сирот; увеличение числа детей-сирот, а также детей, оставшихся без попечения родителей, помещенных в альтернативные семьи, в том числе под опеку и попечительство в приемные семьи; рост доли детей, возвратившихся в биологические семьи в результате предоставления эффективных реабилитационных услуг [4].

Основными направлениями деятельности Уполномоченных по правам ребенка Курганской области и Ханты-Мансийского автономного округа являются: обеспечение гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов ребенка, содействие их беспрепятственной реализации и восстановлению в случае нарушения, правовое просвещение населения по вопросам реализации и восстановлению нарушенных прав, а также по вопросам реализации прав и законных интересов ребенка.

В целях обеспечения прав несовершеннолетних, защиты детей от преступности и насилия, духовного нравственного, патриотического воспитания подрастающего поколения в ноябре 2010 года в Свердловской области был назначен Уполномоченный по правам ребенка [5], а в Челябинской области Уполномоченный по правам ребенка был назначен в декабре 2010 года [6].

Помимо института Уполномоченного по правам ребенка в РФ и отдельных субъектах РФ, работа по предотвращению насилия в отношении несовершеннолетних в семье осуществляется и учреждениями социальной направленности, такими как кризисные центры, центры социальной реабилитации для несовершеннолетних, центры психолого-педагогической помощи населению, социальной помощи семье и детям, осуществляющими комплексное социальное обслуживание населения.

Указанными субъектами работа ведется по двум основным направлениям. Первое предусматривает оказание помощи эмоционального, неврологического,

поведенческого, общемедицинского характера. Пострадавшему от насилия в семье ребенку требуется медицинская помощь, психологическая, а также материальная поддержка, социально-педагогическое сопровождение. Второе направление — решение комплекса социальных проблем ребенка и восстановление нарушенного по причине совершенного насилия баланса. Защита детей от насилия в семье может осуществляться в любой из указанных организационных структур системы социального обслуживания.

Мировая практика свидетельствует, что создание приютов-убежищ для жертв семейного насилия выступает важным звеном в системе мер обеспечения социально-правовой помощи несовершеннолетним, подвергшимся насилию в семье. Деятельность такого рода организаций помощи особо актуальна для профилактики насилия в отношении несовершеннолетних, поскольку отсутствие своевременной реакции впоследствии может привести к настоящим криминальным драмам. Все учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в помощи по причине насильственных посягательств в семье, осуществляют свою деятельность в соответствии с действующим Постановлением Правительства РФ от 27.11.2000 № 896 «Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» (вместе с «Примерным положением о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних», «Примерным положением о социальном приюте для детей», «Примерным положением о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей») [7]; федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [8]; Постановлением Минтруда РФ от 29.03.2002 № 25 «Об утверждении Рекомендаций по организации деятельности специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» [9]; Постановлением Правительства РФ от 31.07.1998 № 867 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи» [10]; Письмом Минобразования РФ от 10.03.2009 № 06-224 «Об

организации в субъектах Российской Федерации работы по профилактике жестокого обращения с детьми» (вместе с «Рекомендациями об организации в субъектах Российской Федерации работы по профилактике жестокого обращения с детьми») [11]; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [12]; Постановлением Правительства РФ от 21.03.2007 № 172 «О федеральной целевой программе «Дети России» на 2007 - 2010 годы» [13]; Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы [14]. Немалое значение принадлежит и актам регионального характера. В частности, в Челябинской области разработаны и действуют: областная целевая программа «Дети Южного Урала»; городские целевые программы «Организация отдыха, оздоровления, занятости детей города Челябинска в каникулярное время»; «Семьи и дети группы риска» и др.

В нашей стране *социальные приюты* являются специализированными муниципальными учреждениями для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, создаются в системе органов социальной защиты населения и имеют основную задачу деятельности – обеспечение временного проживания и социальной реабилитации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в экстренной социальной помощи государства. Для выполнения этой задачи осуществляются следующие функции: выявление совместно с органами и учреждениями образования, здравоохранения, внутренних дел и другими организациями детей, нуждающихся в экстренной социальной помощи; обеспечение временного проживания несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; оказание социальной, психологической и иной помощи несовершеннолетним, их родителям (законным представителям) в ликвидации трудной жизненной ситуации, восстановлении социального статуса несовершеннолетних в коллективах сверстников по месту учебы, работы, жительства, содействие возвращению несовершеннолетних в семьи;

обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; организация медицинского обслуживания и обучения несовершеннолетних, находящихся в приюте; содействие органам опеки и попечительства в устройстве несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; уведомление родителей несовершеннолетних или их законных представителей, органов опеки и попечительства о нахождении несовершеннолетних в приютах; решение вопроса о возвращении детей родителям или их законным представителям, осуществление перевозки несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей; решение вопроса о возвращении несовершеннолетних, самовольно ушедших из образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или других детских учреждений, представителям указанных учреждений; взаимодействие с социальными органами по поводу временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в период каникул и в свободное от учебы время; организация оздоровительной деятельности в лагерях с дневным пребыванием, созданными на базе учреждения; осуществление мероприятий по повышению качества обслуживания, внедрение в практику прогрессивных форм и методов социальной реабилитации детей и подростков; а также другие функции в соответствии с нормативными правовыми актами.

Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних имеет следующие задачи: а) обеспечивает временное проживание несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; б) принимает участие в выявлении и устранении причин и условий, способствующих безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних; в) оказывает помощь в восстановлении социального статуса несовершеннолетних в коллективах сверстников по месту учебы, работы, жительства, содействует возвращению несовершеннолетних в семьи; г) оказывает социальную, психологическую и иную помощь несовершеннолетним, их родителям в ликвидации трудной жизненной ситуации; д) разрабатывает и реализует программы социальной реабилитации несовершеннолетних, направленные на вы-

ход из трудной жизненной ситуации; е) обеспечивает защиту прав и законных интересов несовершеннолетних; ж) организует медицинское обслуживание и обучение несовершеннолетних, содействует их профессиональной ориентации и получению ими специальности; з) содействует органам опеки и попечительства в устройстве несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; к) на основании проверки целесообразности возвращения в семьи несовершеннолетних, самовольно ушедших из них, приглашает родителей (их законных представителей) для решения вопроса о возвращении им несовершеннолетних; л) на основании проверки целесообразности возвращения несовершеннолетних в образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или другие детские учреждения вызывает представителей этих учреждений для решения вопроса о возвращении им несовершеннолетних, самовольно ушедших из указанных учреждений.

Одной из наиболее успешных форм оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от насилия в семье, являются *кризисные центры*. Кризисные центры осуществляют работу по искоренению толерантного отношения общества к проблемам насилия в отношении несовершеннолетних в семье, а также взаимодействуют с законодательной властью по созданию механизма защиты от насильственных посягательств по отношению к несовершеннолетним. Основными задачами кризисного центра являются: а) предупреждение насилия в отношении несовершеннолетних путем изменения общественного сознания по проблеме насилия с помощью образовательной и информационной работы с несовершеннолетними, государственными структурами, разработки и внедрения образовательных программ по проблеме насилия в отношении несовершеннолетних; б) защита прав и интересов пострадавших от насилия в семье несовершеннолетних путем разработки механизма защиты; в) оказание помощи несовершеннолетним, пострадавшим от насилия путем предоставления квалифицированной помощи.

Одним из основных специальных субъектов профилактической деятельности являются *органы опеки и попечительства*, которые в соответствии с Фе-

деральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [15] принимают меры по защите прав и законных интересов ребенка; решают вопросы по восстановлению необходимых документов и защите имущественных прав ребенка (свидетельство о рождении, справки о жилье, о закреплении жилья за ребенком и т.д.); организуют сбор материалов на лишение родительских прав, составляют мотивированное заключение и направляют материалы по лишению родительских прав в прокуратуру или суд; при необходимости принимают участие в судебных разбирательствах на стороне несовершеннолетнего; готовят материалы для государственного устройства ребенка. Кроме того, специалисты органов опеки и попечительства осуществляют защиту прав и интересов детей, родители, которых своими действиями или бездействием создают условия, представляющие угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующие их нормальному воспитанию и развитию; проводят обследование условий жизни и воспитания детей, в том числе, детей, находящихся в подобных семьях, ведут учет детей указанной категории и составляют планы мероприятий по защите их прав, с тем, чтобы по возможности не допустить их изъятия из семьи [16].

Вместе с тем, все названные функции не в полной мере способствуют реальной возможности органов опеки и попечительства устанавливать и осуществлять комплексные проверки в связи со случаями жестокого обращения с российскими детьми, усыновленными иностранными гражданами, деятельности международных организаций, занимающихся вопросами усыновления.

Немаловажное значение в сфере профилактики семейного насилия в отношении несовершеннолетних имеет эффективная работа *комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав*, которые функционируют в муниципальных органах власти, являясь структурными подразделениями районных, городских и областных (республиканских, краевых) администраций или правительств. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, в соответствии с Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и пра-

вонарушений несовершеннолетних» [17], является органом, на который возложена охрана прав несовершеннолетних, организация работы по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью, координация деятельности всех государственных органов и общественных организаций по данным вопросам, а также рассмотрение дел о правонарушениях несовершеннолетних.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, совместно с другими органами и общественностью, выявляет, берет на учёт и принимает меры к устройству несовершеннолетних, которые остались без родителей или родители которых не обеспечивают их надлежащего воспитания, а также несовершеннолетних, оставивших обучение, не работающих и др.; осуществляет контроль за соблюдением на предприятиях условий труда несовершеннолетних, за постановкой производственного обучения и воспитательной работы с ними. Комиссия контролирует условия содержания и воспитания детей и подростков в производственно-технических училищах, школах-интернатах, детских домах и т.д.; организацию досуга по месту жительства. Исключение несовершеннолетнего из учебного заведения или переход подростка, не получившего общеобразовательного образования, из школы в ПТУ или иное учебное заведение, допускается лишь с согласия комиссии.

В Челябинской области работа комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав преимущественно основывается на положениях федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (с последними изменениями от 15.07.2016 года) [18]. Ежегодно, на протяжении 9 лет, межведомственная комиссия в Челябинской области проводит мероприятия, целью которых является профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, такие как: 1) оказание социально-педагогической, медико-психологической, правовой помощи детям и семьям, находящимся в социально-опасном положении; 2) ежегодное проведение акций «Дети улиц», «Подросток», направленных на оказание экстренной помощи безнадзорным детям; 3) проведение межведомственной

акции «За здоровый образ жизни», где основными задачами ее состояли в создании условий для формирования у детей здорового образа жизни, помощи тем детям, которые находятся на ранних стадиях употребления алкогольной и табачной продукции; 4) проведение областной акции «Образование всем детям», главной целью которой явилось обеспечение прав каждого ребенка на получение общего образования, в результате проведения которой выявляются дети школьного возраста, не приступившие к занятиям по разным причинам. В некоторых случаях удалось ликвидировать эти причины и вернуть детей в учебные заведения. Одни родители были лишены родительских прав, другие понесли административную или уголовную ответственность. Семьям, которые не смогли обеспечить посещение школы из-за финансовых затруднений, была оказана материальная помощь[19].

Таким образом, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является координирующим органом, основными задачами которого являются: повышение оперативности в получении информации о фактах насилия и жестокого обращения с детьми с целью своевременного принятия соответствующих мер; создание объективной системы учета детей, ставших жертвами насилия и жестокого обращения в семье с целью восстановления их нарушенных прав и дальнейшей реабилитационной работы с семьей и ребенком; распространение доступной информации для ребенка, подвергшегося насилию, о местах, куда можно обратиться за помощью, для граждан, ставших свидетелями жестокого обращения с ребенком, о местах, куда можно обратиться с сообщением; формирование через СМИ общественного мнения о роли и месте семьи в обществе, о здоровом образе жизни, о негативном отношении к насилию и жестокости в семье; привлечение общественности к решению этих проблем и их профилактике.

Исходя из вышесказанного, отметим, что изучение российского опыта в области защиты детства свидетельствует о том, что благополучие детей и их нормальное развитие возможно, как правило, только с участием родителей, в условиях благополучной семьи.

К проблеме предотвращения насилия в отношении несовершеннолетних в семье причастны целый ряд субъектов социальной политики и гражданского общества: службы социальной помощи, органы здравоохранения и образования, общественные структуры, средства массовой информации, государственные структуры, ответственные за социальную защиту семьи, особенно — кризисной, многодетной и т. д. Для того, чтобы деятельность данных организаций была более согласованной и координированной, нужен комплексный подход к проблеме предотвращения насилия в отношении несовершеннолетних в семье.

Для реализации указанной системы взаимодействия государственных и общественных структур, нужен ряд последовательных шагов, направлений деятельности. Можно выделить, в частности, следующие: 1) укрепление правовой регуляции внутрисемейных отношений; 2) координация действий социальных служб, органов здравоохранения; 3) усиление активности социальной науки, школы, СМИ, общественных, в особенности женских, организаций по поддержке женщины-матери и ребенка и их защите от семейного насилия; 4) утверждение правового менталитета в обществе и возрождение лучших семейных традиций; 5) защита семьи от внешнего вмешательства органов государства, 6) организация эффективных информационно-просветительских кампаний и принятие мер для предоставления информации, ориентации и консультирования родителей в целях предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних в семье; 7) проведение систематических учебных и информационно-просветительских кампаний для всех специалистов, работающих с детьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 // Российская газета. № 166. 04.09.2009.
2. Павел Астахов стал национальным координатором от РФ по защите прав детей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://komi.kp.ru/online/news/752065/>
3. Защита прав и интересов ребенка – прежде всего [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://admtymen.ru/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=10558137@egNews
4. Уполномоченный по правам ребенка в ямало-Ненецком автономном округе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yamalchild.ru/>.
5. В Свердловской области был назначен Уполномоченный по правам ребенка – Игорь Морковин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.justmedia.ru/news/politics/2011/02/15/80539>.
6. В Челябинской области был утвержден Уполномоченный по правам ребенка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://chelnovosti.ru/news/main-news/7073-11.html>.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 04.12.2000. № 49. Ст. 4822 (в редакции от 10.03.2009).
8. Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3802. (с последними изменениями от 28.11.2015).
9. Бюллетень Минтруда Российской Федерации. № 5. 2002. (с последними изменениями от 23.01.2004) // КонсультантПлюс.
10. Собрание законодательства РФ. 10.08.1998. № 32. Ст. 3911. (с последними изменениями от 10.03.2009) // КонсультантПлюс.
11. Вестник образования. № 12. Июнь. 2009.
12. Российская газета. № 110. 10.06.1998. (с последними изменениями от 06.02.2007) // КонсультантПлюс.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 02.04.2007. № 14. Ст. 1688. (с последними изменениями от 12.02.2011) // Консультант плюс.
14. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.06.2012, «Собрание законодательства РФ», 04.06.2012, N 23, ст. 2994
15. Российская газета. № 94. 30.04.2008. (с последними изменениями от 09.12.2015) // Консультант плюс.
16. О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 31 августа 2010 года № 06 – 364 // Документ опубликован не был. // КонсультантПлюс.
17. Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177. (с последними изменениями от 03.07.2016) // КонсультантПлюс.
18. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (с последними изменениями от 15.07.2016 г.)// КонсультантПлюс.
19. Работа комиссии по делам несовершеннолетних [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.losev-zs74.ru/workinzso/19>.
20. Таневае З.Р. Семейное неблагополучие как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. – 2015. – № 2. – С. 30-35.
21. Майоров А.В. Виктимологическая профилактика в отношении несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. – 2013. – №1. – С. 20–23.
22. Муллахметова Н.Е. Новеллы законодательства о защите жертв семейно-бытового насилия // Виктимология. – 2016. – № 2. – С. 51–55.

ШТЕФАН Алёна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
E-mail: al.shtefan2011@yandex.ru

Schtefan A. V.

TO THE QUESTION ABOUT THE SUBJECTS OF THE SPECIAL WARNING OF VIOLENCE IN REGARD TO MINOR IN FAMILY

In the article activity of subjects of specially-preventive activity is exposed on warning of violence in regard to minor in family, and also activity of subjects of social politics and civil society : services of social help, health and education authorities, public structures, mass medias, state structures accountable for social defence of family.

Keywords: *minor, warning of violence, violence in family, subjects of the special warning.*

SCHTEFAN Alena V., candidate of legal sciences, associate professor of department of criminal law and criminology of Institute of right "Chelyabinsk state university"
E-mail: al.schtefan2011@yandex.ru

Юрова К. И.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В работе отмечено, что преступность иностранцев из-за своих криминологических и уголовно-правовых особенностей представляет собой относительно самостоятельный объект криминологического исследования. Критерием подобного выделения является специальный субъект преступления. Преступность иностранцев рассматривается в современной криминологической науке как разновидность преступности мигрантов. Именно миграция как детерминирующий фактор лежит в основе определения социально-демографического статуса иностранцев.

Ключевые слова: преступность, криминологическая характеристика, преступники, мигранты, иностранные лица.

Иностранцами гражданами в Российской Федерации считаются лица, не являющиеся гражданами России и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству других государств [2]. В последние годы наблюдается устойчивый рост внимания специалистов различных отраслей науки к проблеме миграции, в том числе предупреждения преступлений со стороны мигрантов. Ежегодный рост преступлений данного вида свидетельствует об их устойчивой тенденции [8, с. 120].

К особенностям личности преступника следует отнести правовое положение иностранных граждан на территории России, социально-психологические факторы, профессиональные особенности, а так же языковой барьер.

Когда говорят о преступности мигрантов, то имеют в виду всю совокупность преступлений, совершаемых мигрантами. Специфика таких преступлений определяется особенностями самих групп мигрантов и их положения в обществе.

По мнению большинства демографов, миграция – процесс перемещения людей через границы тех или иных территорий со сменой навсегда или на время посто-

янного места жительства либо с регулярным возвращением к нему.

Экстремальные ситуации, социально-экономические и политические кризисы, возникающая под их влиянием принципиально новая жизненная реальность порождают новые явления в миграции и ее криминологически значимых характеристиках. При этом многие аспекты миграции, носящие в прошлом позитивный характер, могут приобретать негативные оттенки. Примером служат реальные миграционные процессы в России, в последние годы перестройки и период реформ конца 80-х – начала 90-х годов [2].

Неблагоприятные формы массовых вынужденных миграций связаны с тем, что лица, вытесняемые с мест постоянного жительства межнациональной напряженностью, переходящей в некоторых регионах в открытые конфликты, вынуждены покидать жилье, оставляя и большую часть нажитого имущества.

Значительные потоки мигрантов оказывают существенное влияние на криминологическую ситуацию соответствующих регионов, создают дополнительные трудности для оперативно-профилактической деятельности правоохранитель-

ных органов. В этих условиях особое криминологическое значение приобретает проблема приезжих.

Преступность мигрантов характеризуется высокой латентностью. Она фиксируется именно как преступность мигрантов только в случае раскрытия преступлений и обнаружения виновных лиц, то есть после того, как устанавливается, что виновный – мигрант. Однако криминалистами всегда отмечалась значительная сложность выявления и раскрытия совершаемых мигрантами преступлений, именно мигрантами, так как осевшие в каком-то месте и прожившие там определенное время мигранты: во-первых, ассимилируются, включаются в те отношения и образ жизни, которые имеют место на данной территории, во-вторых, бывают уже достаточно изучены в криминологическом аспекте (известны факты и направленность их противоправных деяний, криминогенные связи и т. п.) [4, с.8].

Вклад мигрантов в преступность разных регионов различен. Он определяется прежде всего масштабами самого потока приезжих, который, как правило, тем выше, чем крупнее населенный пункт. Сверхкрупные города с их широким спектром возможностей всегда были наиболее привлекательны для приезжих. В Москве, например, доля приезжих среди всех преступников достигает почти 1/3.

Преступность иностранцев благодаря своим криминологическим и уголовно-правовым особенностям представляет собой относительно самостоятельный объект криминологического исследования. Критерием подобного выделения является специальный субъект преступления.

Преступность иностранцев рассматривается в современной криминологической науке как разновидность преступности мигрантов. Именно миграция как детерминирующий фактор лежит в основе определения социально-демографического статуса иностранцев [3].

В последние годы большую тревогу вызывает миграция лиц, которая имеет ярко выраженный криминальный характер. Эти лица либо в нарушение действующего законодательства пересекают границу страны, либо, используя легальные способы и документы, прибывают на территорию с целью занятия преступной деятельностью. В Концепции регулирова-

ния миграционных процессов в Российской Федерации подобные опасения высказываются при характеристике современной миграционной ситуации. Массовая миграция иностранных граждан и лиц без гражданства из государств Закавказья, Центральной и Восточной Азии и их незаконное пребывание в ряде районов Российской Федерации зачастую ухудшают социальную обстановку, создают базу для формирования террористических организаций и политического экстремизма, являются угрозой безопасности Российской Федерации [1].

Процесс адаптации – это длительный период, который занимает по времени несколько лет, по истечении которых обычно происходит приспособление к новым условиям жизни. Он включает в себя экономическую (приобретение жилья, устройство на работу и др.) и психологическую (перенятие обычаев, образа жизни местного населения) составляющие. Поэтому возможны случаи, когда иностранные граждане вроде бы уже обустроились, прижились на новом месте (т.е. экономическая адаптация уже произошла), а психологически они все еще чувствуют дискомфорт. Во многом это связано с тем, что многие иностранцы ощущают на себе пресс неприязни со стороны местного населения, что ведет к нарушению процесса культурной, этнической идентичности. Это соответственно повышает у части из них конфликтность, и даже агрессивность, что при определенных условиях может обострить любое столкновение до масштабов преступления [7, с. 230].

Для успешной адаптации мигрантов необходимо наличие как минимум двух условий:

- 1) удовлетворение жизненно важных потребностей (личных и семейных);
- 2) удовлетворение потребности в самореализации. Ни то, ни другое невозможно без удачного трудоустройства – проблемы номер один для иностранцев на новом месте.

Подводя итог, можно сказать, что к основным детерминантам преступности иностранных граждан относятся:

- 1) противоречия в политической сфере и в области межнациональных отношений на постсоветском пространстве, которые привели к противостоянию народов и вызвали перемещения огромных потоков иностранных граждан;

2) отсутствие должной правовой регуляции рыночных отношений, приводящих к антагонистическим противоречиям между отдельными личностями или группами людей;

3) неурегулированность отношений государства и иностранных граждан на законодательном уровне не позволяет государственным чиновникам оказывать иностранным гражданам необходимую помощь в обустройстве на новом месте и безболезненно «вписать» их в местную социокультурную среду в соответствии с принятыми нормативными актами;

4) психологическая неподготовленность к конфликтным ситуациям как местного населения, так и иностранцев, связанная с прибытием огромного количества людей и скачкообразным ростом численности населения региона;

5) неэффективность государственного регулирования процесса миграции, ослабление паспортно-визового режима, миграционного учета, отсутствие должного учета иностранцев;

6) особенности демографической и социальной структуры контингента иностранных граждан, особенности их национального характера;

7) конкретные условия адаптации иностранца в регионе поселения [6, с. 225].

В итоге увеличение численности как законных, так и незаконных мигрантов в стране, которые въехали на территорию страны с криминальными целями, оказывает прямое влияние на количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами, при условии реализации ими своих преступных замыслов [5, с. 201].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»// Российская газета 1996.22 августа.

2. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016 // «Российская газета». 2002. 31 июля.

3. Федеральный закон от 18.07.2006 N 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»// «Российская газета» .2001. 10 августа.

4. Вендина О. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация. – М., 2005.

5. Долгова А. И. Криминология. М.: «НОРМА», 2011.

6. Юрова К.И. Классификация лиц, прибывающих для ведения трудовой деятельности в Российской Федерации // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сборник статей Международной научно - практической конференции. В 2 ч. Ч.2 - Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. - 294 с.

7. Юрова К.И. Некоторые пути повышения эффективности реализации права //Современные научные достижения и инновационные технологии в гуманитарной и технической сферах: материалы внутривузовской научно-практической конференции для преподавателей и аспирантов. Международный инновационный университет. 2016.

8. Черепашкин А.С. Миграционные процессы и преступность: криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – №1(2). – С. 120-122.

ЮРОВА Ксения Игоревна, декан факультета экономики и права ОЧУ ВО «Московский инновационный университет», кандидат исторических наук, г. Москва
E-mail: dekan.urio@mail.ru

Yurova K. Ig.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FOREIGN PERPETRATORS OF CRIMES

The paper notes that the crime of foreigners because of their criminological and criminal-legal characteristics is a relatively independent object of the criminological research. The criterion for such selection is the special subject of the crime. Crime of foreigners is seen in modern criminological science as a kind of crime of migrants. It is the migration as a determining factor is the basis of determining the socio-demographic status of foreigners.

Keywords: *crime, characteristics of criminals, migrants, foreign persons.*

YUROVA Kseniya Ig., Ph. D., the Dean of the Faculty of Economics and Law EPI HE “Moscow University”, Candidate of Historical Sciences, Moscow, Russia
E-mail: dekan.urio@mail.ru

Юзиханова Э. Г.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Майорова Андрея Владимировича «Виктимологическое противодействие преступности» (г. Челябинск, 2016)

В обоснование актуальности рецензируемой монографии, хотелось бы согласиться с ее автором в том, что в условиях ежегодного усложнения в стране криминальной ситуации, влекущей снижение защищенности и повышение уровня виктимизации общества, законодательская деятельность государственных органов считается одной из ведущих функций системы, способствующей достижению реальных результатов снижения уровня преступности и обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Однако на сегодняшний день все более очевидным становится то, что противодействие преступности, осуществляемое правоохранительными органами посредством воздействия на лиц, совершающих противоправные деяния, не позволяет искоренить преступность в целом и добиться желаемого и необходимого уровня безопасности граждан. Такое положение предопределяет и способствует поиску и развитию новых возможностей борьбы с преступностью и воздействия на нее, в том числе и виктимологического характера.

Представленная на рецензирование монография А.В. Майорова на тему «Виктимологическое противодействие преступности», характеризуется сочетанием основательного исследования теоретических вопросов виктимологии и анализом

практических проблем противодействия преступности. Достоинством рецензируемой работы следует признать глубокое понимание автором исследуемой темы, тщательное и обстоятельное изучение трудов видных отечественных представителей криминологии, известных ученых в области науки виктимологии, а также критическое осмысление широкого круга позиций и взглядов на данную проблему.

Научное и практическое значение представляет проведенный в монографии анализ действующего законодательства, предусматривающего виктимологический аспект во взаимосвязи с анализом эмпирического материала о реальных процессах виктимизации общества.

Структура монографии полностью отражает тему выбранного исследования. Представленная работа состоит из трех глав. В первой главе рассматривается природа, сущность и понятие виктимологического противодействия преступности; анализируется методологический инструментарий виктимологического противодействия преступности, а также рассматривается комплексная методика виктимологического прогнозирования. Вторая глава посвящена обоснованию виктимологического противодействия преступности. На основе анализа виктимологического воздействия на преступ-

ность в зарубежных странах, обосновывается концептуальная модель виктимологического противодействия преступности в России. В третьей главе автор рассматривает правовые основы виктимологического воздействия на преступность, анализирует основные направления правовой виктимологической политики в российской Федерации, выявляет систему правовой защищенности жертв преступности в российском законодательстве, определяет правовой статус защищаемого лица в процессе виктимологического противодействия преступности. В заключении сделаны основные выводы о проведенном исследовании. В приложении приведены изменения и дополнения нормативной правовой базы в российской Федерации.

Следует отметить, что теоретическая и практическая значимость проведенного исследования связаны с элементами научной новизны. Комплексный подход и системный анализ правовых норм позволил автору сформулировать основ-

ные направления виктимологической политики российского государства и представить теоретическую модель виктимологического противодействия преступности.

Достоверность и обоснованность полученных выводов обеспечивается анализом большого количества теоретического, исторического, эмпирического материала, а также объективным анализом нормативно-правовых актов, статистических данных, использования данных специальных исследований в области криминологии и виктимологии.

Проведенное монографическое исследование А.В. Майоровым на тему «Виктимологическое противодействие преступности» полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к самостоятельным, завершенным научным работам, вносит определенный вклад в науку, что позволяет рекомендовать работу к опубликованию и использованию в педагогической и практической деятельности.

Рецензент: **ЮЗИХАНОВА Эльвира Гумеровна**, профессор кафедры информационно-аналитического и документационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: uzikhanovaeg@yandex.ru

Yuzihanova E. G.

REVIEW

the monograph

Andrei Vladimirovich Mayorov

«Victim combating crime»

(Chelyabinsk, 2016)

YUZIKHANOVA Elvira G., professor of the department of information and analytical software and documentation activities of internal affairs agencies of the Tyumen Institute of Advanced Training of employees Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of law, professor.

E-mail: uzikhanovaeg@yandex.ru

Гончаров Д. Ю.

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации
Р. С. Гасанова на тему:
«Предупреждение грабежей
и разбойных нападений на объекты
кредитно-финансовой сферы и
перевозчиков денежных средств»,
представленной на соискание ученой
степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.08 –
«уголовное право и криминология»;
«уголовно-исполнительное право»
(Санкт-Петербург, 2016)**

Диссертационная работа Р. С. Гасанова на тему «Предупреждение грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств» [1] посвящена актуальной проблеме отечественного уголовного права и криминологии. На протяжении многих лет в структуре российской преступности почти половину совершенных преступлений составляют хищения. А наблюдаемая в последние годы устойчивая тенденция снижения регистрируемых случаев грабежей и разбоев, не отражается на посягательствах на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств.

Соискатель справедливо рассматривает эти преступления как обладающие высокой степенью общественной опасности, так как они нередко совершаются в составе организованной группы или пре-

ступного сообщества, с использованием оружия или предметов, используемых в качестве такового, с целью завладения материальными ценностями в крупном или особо крупном размерах, сопряжены с посягательствами на иные объекты уголовно-правовой охраны и, помимо этого, они влекут значительный общественный резонанс.

Обосновывая актуальность исследования, автор справедливо замечает, что истинная криминологическая картина по данному направлению не вырисовывается из-за отсутствия соответствующей статистики. А предложения по совершенствованию системы статистического учета представляются весьма уместными и убедительными. Убедительны и предложения автора, адресованные Верховному Суду России в части внесения изменений и дополнений в постановление Пленума

Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Достоверность результатов исследования определяется репрезентативностью эмпирических данных, а также использованием личного практического опыта. Результаты исследования прошли должную апробацию и внедрение в практическую деятельность и образовательный процесс.

Наряду с достоинствами диссертации Р.С. Гасанова в работе также имеются отдельные спорные положения и выводы.

Так, автор полагает, что Верховный Суд должен разъяснить судам, как им следует устанавливать, имело ли лицо намерение применить предмет для причинения вреда или нет, считая, что отсутствие соответствующего намерения у лица должно основываться не только на факте, что потерпевшему не причинен вред здоровью, но и (возможно, что и прежде всего) на свойствах предмета, используемого виновным при нападении. Р.С. Гасанов полагает, что единственным, бесспорным доказательством того, что лицо не намеревалось использовать предмет для причинения вреда при разбое, являются свойства предмета, кото-

рые не позволяют причинить вред здоровью (например, игрушечный пластмассовый пистолет). Представляется, что автор переходит к объективному вменению, когда свойство предмета ставит на первое место и не учитывает при этом направленность умысла виновного.

Вышеизложенное замечание носит рекомендательный и дискуссионный характер и не снижает общего положительного впечатления от основательно выполненного Р.С. Гасановым исследования.

Таким образом, представленная к защите диссертация Р.С. Гасанова «Предупреждение грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств» отвечает критериям, предусмотренным пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, то есть является самостоятельно выполненной завершенной научно-квалификационной работой, посвященной решению научной проблемы, заявленной в названии темы. Автор исследования, Р.С. Гасанов, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гасанов Р. С. Предупреждение грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств : автореф. ... канд. юрид. наук / 12.00.08. – уголовное право и криминология ; уголовно-исполнительное право / Р. С. Гасанов ; науч. рук. С. У. Дикаев. – СПб., 2015. – 27 с.

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич, профессор кафедры уголовного права второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации» доктор юридических наук, доцент, подполковник юстиции, г. Екатеринбург
E-mail: uc.ural@mail.ru

Goncharov D. Y.

REVIEW

**on the dissertation author's
R. S. Hasanov on the topic
«Prevention of robberies and armed
attacks on facilities of credit
and finance and cash carriers»
presented for the degree of candidate
of legal sciences on specialty 12.00.08 –
«Criminal Law and Criminology»;
«Penal law»
(St. Petersburg, 2016)**

GONCHAROV Denis Yurevich, Professor of Criminal Law Faculty of the second training (with a dislocation in Ekaterinburg) Institute of Advanced Training FGKOU IN «Academy of the Investigative Committee of Russian Federation» Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Justice, Ekaterinburg
E-mail: uc.ural@mail.ru

Дементьева Н. А.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ

В рамках исполнения Плана мероприятий по реализации Стратегии Государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утверждённого председателем ГАК 29.10.2010 г., распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.02.2012 г. № 202-р органами исполнительной власти и местного самоуправления Челябинской области принимаются меры по повышению эффективности первичной профилактики наркомании с приоритетом мер, направленных на формирование здорового образа жизни среди детей и молодёжи.

На территории всех муниципальных образований Челябинской области реализуются целевые антинаркотические программы, которые являются важнейшим инструментом в организации комплексной работы по противодействию распространению наркомании на территории органов местного самоуправления.

На территории Челябинской области действует 865 общеобразовательных организаций (351 748 учащихся), 49 профессиональных образовательных организаций (44 443 учащихся) и 30 образовательных организаций высшего образования (69 467 студентов).

В 2014 году в рамках повышения квалификации и переподготовки педагогических

работников в «Челябинском институте переподготовки и повышения квалификации работников образования» и «Челябинском институте развития профессионального образования» в планы занятий включены следующие программы и модули: «Профилактика злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде», «Признаки определения употребления психоактивных веществ», «Выработка тактики поведения в ситуации выявления наркотического опьянения, диагностика склонности учащихся к аддикциям», «Содержательные и процессуальные основы формирования культуры здорового и безопасного образа жизни у учащихся», а в 2015 – «Профилактика наркомании при дисфункциональных детско-родительских отношениях», «Организация первичной профилактики наркозависимости обучающихся в учреждениях профессионального образования», «Насилие в подростковой среде». Курсами по указанным выше темам было охвачено 900 преподавателей образовательных организаций Челябинской области.

По поручению Министерства образования и науки Челябинской области «Челябинским институтом развития профессионального образования» в 2014–2015 годах разработаны и направлены в про-

фессиональные образовательные учреждения методические рекомендации: «Организация первичной профилактики наркозависимости обучающихся в учреждениях профессионального образования» и «Профилактика и методы борьбы с асоциальными проявлениями в профессиональных образовательных учреждениях Челябинской области».

В декабре 2014 г. Министерством образования и науки Челябинской области в целях повышения уровня информированности общественности в вопросах профилактики потребления психоактивных веществ проведено областное родительское собрание по теме: «Формирование культуры здорового образа жизни и первичная профилактика асоциального поведения обучающихся: проблемы взаимодействия органов системы профилактики и семьи».

Полномочия по организации и проведению обучающих семинаров для педагогов общеобразовательных учреждений по вопросам психолого-педагогической поддержки учащихся, имеющих зависимость от психоактивных веществ, возложены на специализированное учреждение ГБОУ «Областной центр диагностики и консультирования». В 2015 году консультативные услуги были оказаны 370 педагогам (в 2014 – 320 педагогам).

В целях повышения эффективности совместной работы в течение 2015 года специалистам ГБУЗ «Челябинская областная клиническая наркологическая больница» организованы и проведены семинары по профилактике потребления психоактивных веществ для специалистов систем образования, здравоохранения, а также сотрудников ГУ МВД России по Челябинской области, участие в которых приняло 1985 человек.

В рамках реализации программ профилактики злоупотребления психоактивными веществами в студенческой среде профессиональные образовательные учреждения сотрудничают с ведомствами и службами, функционально обеспечивающими работу по данному направлению.

В общеобразовательных структурах высшего образования и профессиональных образовательных организациях в течение 2014 года организовано и проведено 2058 мероприятий антинаркотической направленности (в 2013 году – 2402 мероприятия – 4,3%). Снижение количества

указанных мероприятий связано с процессом реорганизации системы высшего профессионального образования структур (2014 – 31 вуз, осуществляющий обучение по очной форме обучения, в 2013 – 35 вузов).

В целях развития системы раннего выявления фактов немедицинского потребления наркотиков в 2014–2015 учебном году организовано и проведено тестирование учащихся на предмет употребления наркотиков. Тестированием было охвачено 6210 учащихся 7–11 классов в 124 образовательных учреждениях Челябинска, Верхнего Уфалея, Кыштыма, Копейска, Магнитогорска, Агаповского, Варненского, Коркинского, Красноармейского и Пластовского муниципальных районов. Предварительные методики выявили 27 положительных проб на наркотики. Однако после углубленного химико-токсического анализа подтвердилось 2 результата. С подростками из города Челябинска в настоящее время работают специалисты наркологической службы.

Кроме того, в 2015–2016 учебном году организовано и проведено психологическое тестирование учащихся, в котором приняло участие 3894 человека из 20 общеобразовательных учреждений, в том числе 2 вузов, 3 профессиональных образовательных учреждений, 15 общеобразовательных организаций. Психологический инструментальный тестирования разработан специалистами ГБОУ «Областной центр диагностики и консультирования», прошёл лицензирование ведущих психологов и научных работников вузов города Челябинска (ЧелГУ, ЮУрГУ, ЧГПУ). Аналогичное тестирование проводилось и ранее.

Повторное тестирование показало, что в целом 43% респондентов можно отнести к группе потенциального риска в вовлечение в потребление наркотических и иных психоактивных веществ. В 2013 году этот показатель составлял 40%, вместе с тем группа риска в образовательных учреждениях, участвующих в тестировании, снизилась до 35%. К группе потенциального риска в большей степени относятся обучающиеся в профессиональных образовательных учреждениях, подростки, проживающие в мегаполисе. По результатам проведённой работы за 5 последних лет можем считать, что

региональные и муниципальные антинаркотические программы имеют социальный характер.

Система воспитательно-профилактической работы в школьной среде и учреждениях дополнительного образования приобщение к труду, физической культуре и спорту, организация летнего отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних – всё это в значительной мере способствует профилактики наркомании среди несовершеннолетних. По линии Министерства образования и науки Челябинской области в регионе действует 150 учреждений дополнительного образования (в 2013 году – 157 учреждений). Средняя доля охваченных их деятельностью детей и подростков составляет 54% (в 2013 году – 65%).

При этом наибольший охват достигается на территории городских округов: 26,1% в Миасском, 97,6% в Трёхгорном; в меньшей степени в муниципальных районах: от 10,6% в Сосновском районе, 12,3% в Аргаяшском районе, до 102,3% в Еманжелинском районе. В Челябинской области функционирует 1785 учреждений культуры, в том числе 832 клубных учреждения и 868 библиотек. В течение 2014-2015 годов здесь организовано более 10000 мероприятий антинаркотической направленности, пропагандирующих здоровый образ жизни (выставки, лектории, экспозиции, кинопоказы) В них приняли участие свыше 190000 человек. Кроме того, при учреждениях культурно-досугового типа работает 5744 клубных формирования, из которых 2769 работает с детьми и подростками. Охват участников таких формирований в 2014–2015 годах возрос на 4% это 84637 человек.

В образовательных учреждениях Челябинской области продолжена работа по проведению Всероссийского Интернет-урока антинаркотической направленности «Имею право знать» (далее – Интернет-урок). В рамках его подготовки разработаны и размещены в социальных, образовательных учреждениях, общественных местах, на сайтах и досках объявлений информационные листки, содержащие информацию о проведении Интернет-урока, а так же адреса официальных Интернет ресурсов органов наркоконтроля, образования, здравоохранения, телефоны доверия областных субъ-

ектов профилактики. В 2015 году в Интернет-уроке приняло участие 162 348 учащихся, в 2014 году – 95 337 учащихся из 805 образовательных учреждений – 94,3% от общего количества общеобразовательных организаций и 49 профессиональных общеобразовательных организаций Челябинской области. В проведении Интернет-уроков участвовали руководители органов государственной власти, представители органов наркоконтроля и внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, медицинские работники, специалисты-психологи, социальные педагоги и учителя-предметники. Кроме того, к организации данного мероприятия подключилось 130 молодёжных организаций (1135 волонтеров). В ходе проведения Интернет-урока организовано 3739 мероприятий в том числе беседы о социальных и медицинских аспектах наркомании, психологические тренинги, а так же областные конкурсы.

По линии Министерства культуры Челябинской области в муниципальных образованиях организуются кино-лекции по правовому воспитанию молодёжи («Подросток и закон»), тематические показы фильмов противоалкогольной и антинаркотической направленности «За здоровый образ жизни», «Сделай свой выбор», демонстрируются кинопублики «Семейный выходной».

С целью профилактики вредных привычек и популяризации здорового образа жизни образовательные учреждения Челябинской области приняли активное участие в X Всероссийской акции «Спорт – альтернатива пагубным привычкам»: в муниципальных образованиях области проведены просветительские и спортивные мероприятия, в которых участвовало 140 000 детей и подростков. Управлением ФСКН России по Челябинской области совместно с органами исполнительной власти и местного самоуправления, а так же общественными объединениями в 2014–2015 годах проведены антинаркотические акции «За здоровье и безопасность наших детей», «Призывник», «Сообща где торгуют смертью» и оперативно – профилактическая операция «Дети России». Образовательные учреждения области принимают активное участие в антинаркотических акциях федерального и регионального уровня: конкурс антинар-

котического плаката и буклета, олимпиада студенческих и научных работ по профилактике наркомании. Системное проведение таких конкурсов побуждает подростков и молодежь к активному созидательному творчеству, а педагогов – к новым, эффективным формам воспитательной работы.

Однако, учитывая общемировые тенденции в области незаконного производства, оборота и потребления наркотиков, в 2016 году прогнозируется следующее развитие наркоситуации на территории Челябинской области:

1. Продолжится контрабандный ввоз и транзитная переброска на территорию Челябинской области опийной и каннабисной групп.

2. Возможно увеличение количества попыток незаконного перемещения сильно действующих наркотических веществ

через Государственную границу Российской Федерации на территорию Челябинской области.

3. Ожидается дальнейшая переориентация наркорынка в сторону увеличения доли синтетических психоактивных веществ и активное распространение этих веществ в молодёжной среде.

4. Продолжатся использование ресурсов сети Интернет для размещения рекламы и пропаганды, а также осуществление продажи наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, доставка указанных веществ посредством почтовых отправлений.

На основании вышеизложенного стоит предположить, что придётся искать новые подходы к решению сложнейшей задачи по первичной профилактике наркомании среди детей и молодёжи по Челябинской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утверждённая председателем ГАК 29.10.2010.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.02.2014 г. № 202.

3. Материалы Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования. 2013-2014 г.

4. Материалы ГБОУ «Областной центр диагностики и консультирования». 2014-2015 г.

5. Ханова Е.В. Мониторинг наркоситуации Челябинской области 2015 год. – URL: <http://www.guvpvo74.ru/Publications/News/Show?id=2237>

ДЕМЕНТЬЕВА Наталья Андреевна, соискатель, Челябинский государственный университет; старший экономист отдела экономики и торговли, Администрация Курчатовского района г. Челябинск
E-mail: dementeva.natalya@inbox.ru

Dementeva N. A.

ANALYTICAL REVIEW OF EXECUTIVE AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENT OF CHELYABINSK REGION ON PREVENTION OF DRUG ADDICTION AMONG CHILDREN AND YOUTH

DEMENTIEVA Natalia A., competitor, Chelyabinsk State University; a senior economist at the Department of Economics and Commerce, Administration of the Kurchatov Chelyabinsk region
E-mail: dementeva.natalya@inbox.ru

Подольный Н. А., Бутова Ю. В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)¹

20–21 октября 2016 г. при Средне-волжском институте (филиале) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета юстиции» (РПА Минюста России) была проведена всероссийская научная конференция «Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем». Работа конференции была поддержана Министерством по национальной политике Республики Мордовия, Управлением по вопросам общественной безопасности и противодействия коррупции Администрации главы Республики Мордовия, Государственным бюджетным учреждением культуры «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия».

В работе конференции приняли участие преподаватели высших учебных заведений, сотрудники научно-исследо-

вательских организаций, специалисты-практики из г. Москвы, Пензы, Саратова, Калининграда, Чебоксар, Иркутска, Петрозаводска, Актобе, а также представители органов исполнительной власти Республики Мордовия, антитеррористической комиссии Республики Мордовия.

Конференция предполагала выработку определенных решений по следующим направлениям:

- концептуализация криминологических аспектов проблематики национальной безопасности в современной России;
- обобщение практики реализации «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»;
- анализ динамики преодоления основных геополитических угроз;
- анализ состояния государственной, общественной, экономической, информационной, криминологической безопасности как составляющих национальной безопасности РФ;
- выявление причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма и терроризма;

¹ Конференция проведена при поддержке РГНФ, проект «Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем» №16-03-14082

- разработка предложений по повышению эффективности применяемых мер, направленных на предупреждение проявлений экстремизма и терроризма;

- обсуждение проблем расследования преступлений, связанных с проявлениями экстремизма и терроризма.

На пленарном заседании была отмечена актуальность проводимого мероприятия, которая связана прежде всего с тем, что в настоящее время Российская Федерация является страной, успешно преодолевающей последствия системного кризиса прошлого века. Сегодня эффективно отстаиваются национальные интересы в изменяющихся условиях многополярного глобального мира, сохраняется территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй. В то же время, обеспечение национальной безопасности остается одной из приоритетных задач не только государства, но и гражданского общества. Выстраивание многополярных международных отношений сегодня часто сопровождается такими негативными явлениями, как вооруженные конфликты, международный терроризм, конфликты ценностей. Глобальный мир несет в себе не только новые перспективы, но и новые риски, вызовы, угрозы. В этой связи проблемы национальной и глобальной безопасности связаны с современными геополитическими проблемами.

Обеспечение национальной безопасности – главнейшее направление деятельности структур государственной власти и политики, которое регулируется многочисленными нормативно-правовыми актами и находится в центре внимания общественности. Несмотря на это, в данной сфере имеется множество нерешенных проблем. В современном мире наиболее злободневными представляются вопросы противодействия терроризму и экстремизму. И если опасность указанных негативных социальных явлений ни у кого не вызывает сомнений, то далеко не всё так однозначно с методами и средствами борьбы с ними. С одной стороны, борьба должна быть бескомпромиссной, быстрой и эффективной, с другой – излишняя поспешность может привести к нарушениям конституционных прав и свобод граждан, а также к другим проблемам.

Борьба с терроризмом и экстремизмом предполагает не только выявление и расследование уже совершённых преступлений, но и создание условий, препятствующих проявлениям этих негативных явлений, что выходит за пределы деятельности правоохранительных органов. На первый план выступают вопросы профилактики, формирование идеологии неприятия терроризма и экстремизма. Упреждение и предотвращение опасностей, которые проистекают от экстремизма и терроризма, зависят от того, как будет организована превенция.

С учетом того, что эффективность борьбы с терроризмом и экстремизмом зависит от единства подходов всех органов власти, общества, большинства граждан в оценке данного явления и в используемых методах и средствах, эта деятельность должна быть максимально согласованной. Однако такое единство не предполагает того, чтобы оно формировалось вне дискуссий. Дискуссии необходимы, поскольку разнообразие мнений позволяет увидеть ошибки в работе и выявить наиболее оптимальные направления, средства и методы в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Разнообразие мнений в решении названных проблем позволяет спрогнозировать развитие социальной ситуации в государстве и своевременно принять меры, упреждающие возможность проявления опасных для общества и государства социальных явлений.

В этом аспекте проходило обсуждение обозначенных вопросов академическим сообществом, представителями общественных организаций, органами государственной власти и местного самоуправления, которые занимаются проблемами устранения угроз безопасности развития личности, общества и государства.

Участники конференции, заслушав и обсудив прозвучавшие доклады и выступления, отмечают:

1. Серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации и всего мирового сообщества представляет терроризм и экстремизм.

2. Противодействие экстремизму и терроризму как важное направление государственной политики Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности реализуется путем оказания предупредительно-профилактиче-

ского воздействия на категорию лиц, которые способны к осуществлению террористической и экстремистской деятельности.

3. Профилактическая работа совершенствуется в связи с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы, создавая условия для привлечения к этой работе институты гражданского общества.

4. Для эффективного противодействия экстремизму и терроризму необходимо объединить усилия федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, общественных и политических структур, образовательного, научного и бизнес-сообществ, средств массовой информации, религиозных конфессий, всех здоровых сил общества.

5. Основой противодействия идеологии терроризма и экстремизма будет обеспечение постоянного межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога, который нацелен на достижение общественного согласия и формирования эффективных гражданских механизмов разрешения социальных конфликтов.

6. Действенность системы профилактики терроризма в значительной степени определяется результатами информационного противодействия терроризму и религиозно-политическому экстремизму в образовательной сфере, средствах массовой информации и сети Интернет.

7. В целях дальнейшего развития и совершенствования общегосударственной системы противодействия терроризму необходимо активизировать работу на уровне региона.

Исходя из этого, наиболее актуальными задачами в сфере противодействия экстремизму и терроризму было предложено:

- активизировать деятельность органов исполнительной власти и органов местного самоуправления субъектов Российской Федерации в соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы;

- создать оптимальные механизмы для разрешения национальных, религиозных, социальных конфликтов в регионе с учетом специфики их проявления;

- противодействовать экстремизму и терроризму посредством выработки новых мер по недопущению распространения обозначенных деструктивных феноменов, обеспечение надлежащей кадровой политики, повышение квалификации специалистов в данной сфере;

- создать экспертные группы оперативного реагирования;

- распространить накопленный опыт по противодействию экстремизму и терроризму между антитеррористическими комиссиями в субъектах Российской Федерации, расширить формы и методы работы с населением по формированию антитеррористического сознания;

- выявить и пресечь каналы и источники распространения идеологии терроризма и религиозно-политического экстремизма;

- обеспечить неотвратимость мер административного и уголовного воздействия в отношении религиозных организаций, проповедующих идеи насилия, нетерпимости или открыто призывающих к экстремистским действиям;

- повысить профилактическую работу с категориями граждан, наиболее подверженных воздействию идеологии терроризма и религиозно-политического экстремизма;

- оказывать поддержку молодежным организациям, заинтересованным в реализации государственно ориентированных культурно-просветительских проектов;

- развивать и укреплять отечественные мусульманские организации для расширения возможностей получения гражданами традиционного для России исламского религиозного образования;

- изучать и адаптировать к региональным условиям успешного российского и зарубежного опыта противодействия идеологии терроризма и религиозно-политического экстремизма, в том числе по оценке эффективности реализуемых антитеррористических мероприятий.

В рамках конференции совместно с Советом по вопросам общественной безопасности Республики Мордовия (аппарат АТК РМ) и Министерством по национальной политике Республики Мордовия был организован круглый стол на тему: «Межконфессиональные взаимоотношения в условиях преодоления современных геополитических проблем». Для мо-

лодых исследователей, аспирантов, магистрантов проведен расширенный методологический семинар «Методика выявления и расследования преступлений террористической и экстремистской направленности».

Итогом конференции явилась аккумуляция теоретических исследований и практических разработок ведущих исследовательских и аналитических центров в области национальной безопасности. По-

лученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях по проблемам национальной безопасности, при разработке перспективных направлений противодействия экстремизму и терроризму, составлении специальных учебных курсов для аспирантов, магистрантов и студентов по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», «Юриспруденция».

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске, доктор юридических наук. 430032, Республика Мордовия, г. Саранск. ул. Федосеенко, д. 6.
E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

БУРОВА Юлия Владимировна, Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Средне-волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета юстиции» (РПА Минюста России)
E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

Podolnyy N. A., Burova Y. V.

NATIONAL SECURITY IN CONTEMPORARY RUSSIA: THE STRATEGY FOR COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM AND PROSPECTS OF OVERCOMING OF GLOBAL PROBLEMS (INFORMATION-ANALYTICAL MATERIALS OF THE CONFERENCE)

PODOLNYY Nikolay Aleksandrovich, Doctor of Law, Associated Professor, Sredne-Volzhskiy Institute (branch) Federal state budgetary educational institution of higher education Russian University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia)»
E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

BUROVA Yuliya Vladimirovna, associate Professor of humanitarian disciplines, Sredne-Volzhskiy Institute (branch) Federal state budgetary educational institution of higher education Russian University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia)»
E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4**

должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,0 см**.

- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной на сайте издания форме.

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

АНКЕТА АВТОРА*

представленной в редакцию рукописи статьи:

(название статьи)

Ф.И.О. (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную анкету, автор дает согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ» является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет.

«__» _____ 20__ г.

_____ / _____ /

* В случае подготовки статьи в соавторстве анкета предоставляется каждым из авторов.

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 4(10) / 2016

Дата выхода в свет 29.12.2016. Формат 70×108 1/16.

Усл.-печ. л. 7,7. Тираж 300 экз. Заказ № 22/66.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.

454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76

VICTIMOLOGY

No. 4(10) / 2016

Date of publication of the 29.12.2016. Format 70×108 1/16.

Conventional printed sheet 7,7. Circulation – 300 issues. Order No 22/66.

Open price.

Printed in the printing house of the Publishing Center of SUSU.

76, Lenina Str., Chelyabinsk, 454080